

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный
педагогический университет»

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
В ЕКАТЕРИНБУРГЕ
(1871—1930)**

**К 140-летию педагогического образования
на Урале**

Екатеринбург 2011

УДК 37.013(09) (047)

ББК Ч33(235.55)5

О-95

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский государственный педагогический университет»

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

доктор педагогических наук, профессор Б. М. Игошев

доктор исторических наук, профессор М. В. Попов

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор филологических наук, профессор А. П. Чудинов

доктор исторических наук, профессор Л. Н. Мартюшов

**О-95   Очерки истории педагогического образования
в Екатеринбурге (1871—1930) :**

монография / Б. М. Игошев, М. В. Попов, М. В. Суворов, М. К. Елисафенко, И. Л. Бахтина, У. П. Ефремова ; отв. ред.: Б. М. Игошев, М. В. Попов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. — 133 с.

Монография посвящена истории становления педагогического образования в Екатеринбурге — Свердловске. Исследуется деятельность учебных заведений города по подготовке преподавательских кадров для различного типа общеобразовательных школ в дореволюционный период (со второй половины XIX в.) и в первые годы Советской власти — вплоть до 1930 г., когда открылся Свердловский индустриально-педагогический институт (ныне — Уральский государственный педагогический университет).

Монография адресована преподавателям и студентам, а также всем интересующимся историей педагогического образования в России и на Урале и историей педагогики.

УДК 37.013(09) (047)

ББК Ч33(235.55)5

© Бахтина И. Л., Елисафенко М. К., Ефремова У. П.,
Игошев Б. М., Попов М. В., Суворов М. В., 2011

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный
педагогический университет», 2011

Содержание

Введение	4
Елисафенко М. К., Игошев Б. М., Попов М. В. У истоков педагогического образования на Урале: 1870-е—1890-е гг.	8
Игошев Б. М., Суворов М. В. Профессиональное педагогическое образование на Урале (начало XX в.)	26
Елисафенко М. К., Игошев Б. М., Попов М. В. Педагогическое образование на Урале и деятельность Екатеринбургской второй женской гимназии (1908—1918 гг.)	61
Ефремова У. П. Начальное образование и преподавательские кадры церковно-приходских школ на Урале в конце XIX — начале XX в.	81
Бахтина И. Л., Игошев Б. М., Попов М. В. Педагогическое образование в Екатеринбурге — Свердловске в 1920-е гг.	102
Заключение	125
Сведения об авторах	127
Приложения	128

ВВЕДЕНИЕ

История педагогического образования на Урале, в том числе в Екатеринбурге, охватывающая период с конца XIX в. до 1930 года — года, когда начал свою деятельность Свердловский индустриально-педагогический институт (современный УрГПУ), — не была предметом специального исследования историков. Подготовка учительских кадров изучалась исследователями лишь как часть общей проблемы развития системы образования. При этом традиционно выделялись как самостоятельные дореволюционный период и первые десятилетия советской истории. Революция и Гражданская война оценивались как события, положившие начало принципиально новой системе подготовки учителей для общеобразовательных школ.

В данных «Очерках» авторы впервые попытались объединить два этих периода как предмет исследования, показать преемственность в развитии педагогического образования, изучить истоки особенностей деятельности государства и образовательных учреждений по подготовке учительских кадров.

Как в дореволюционный, так и в советский периоды государственная политика в сфере педагогического образования была тесно связана с модернизационными процессами, происходившими в нашей стране. Главным в 1871—1930 гг. при

подготовке учительских кадров было обеспечить условия для перехода к всеобщему начальному образованию. Царское правительство разработало конкретные планы введения начального всеобщего в Пермской губернии в 1917 г., советское руководство планировало ввести всеобщее начальное обучение к десятилетию Октябрьской революции. Характерно, что начало деятельности Свердловского педагогического института относится к 1930 г., когда в СССР был начат переход к всеобщему обязательному начальному обучению.

В то же время следует отметить большое влияние революции и Гражданской войны на формирование и подготовку учительских кадров, в том числе на Урале, где остро проявлялось противостояние сторонников большевиков и белогвардейцев. Педагогическое образование в 1920-е гг., во многом сохранявшее традиции дореволюционной школы, приобрело специфические черты. Все это также попытались отразить в своей книге авторы «Очерков».

Исследование ведется на материалах деятельности образовательных учреждений Екатеринбурга (Свердловска), который, несмотря на то, что до революции был всего лишь уездным городом в составе Пермской губернии, являлся крупным экономическим и культурным центром Урала, а в 1920-е гг. превратился и в административный центр всего Уральского региона. Источниковую базу «Очерков» составляют как опубликованные, так и архивные источники. При этом большинст-

во архивных материалов впервые вводится в научный оборот. При этом авторы рассчитывали на широкий круг читателей, поэтому исследование носит в определенной степени краеведческий характер: читатель сможет узнать современные адреса тех зданий, где размещались раньше педагогические учебные заведения, познакомиться с деятелями просвещения дореволюционной эпохи и 1920-х гг., увидеть живые картинки из истории Екатеринбурга — Свердловска.

Рассматривая деятельность различных учебных заведений по подготовке школьных учителей, авторы книги обращают внимание не только на финансирование культуры, контингент учащихся, качественный и количественный состав преподавателей и т. д., но также анализируют формы учебной, внеучебной и воспитательной работы с будущими школьными работниками, которые были распространены в исследуемый период. Много из опыта прошлого можно использовать при проведении занятий и воспитательных мероприятий со студентами и учащимися педагогических учебных заведений на современном этапе. Это позволяет утверждать, что данная книга может быть расценена в какой-то степени как труд историко-педагогический.

Учитывая очерковый характер настоящего издания, следует отметить, что далеко не все направления подготовки педагогических кадров, имевшие место в столице Урала, получили в книге освещение. Авторы не исследовали деятельно-

сти различного рода курсов подготовки и переподготовки учителей, проводившихся в городе на протяжении всего исследуемого периода и сыгравших громадную роль в повышении уровня специальной педагогической подготовки уральского учительства. Не проанализирован тот вклад в подготовку учителей, который внесли до революции мужские городские гимназии и Епархиальное училище, а в 1920-е гг. — Свердловская совпартшкола. Далеко не в полной мере освещена в книге подготовка учителей в годы Гражданской войны, в частности не изучены мероприятия в этом направлении белогвардейских правительств и городских властей.

Каждая из глав настоящей книги представляет собой самостоятельный законченный очерк, посвященный различным проблемам развития педагогического образования в Екатеринбурге — Свердловске в строго ограниченных хронологических рамках. В то же время материалы глав, расположенных в хронологической последовательности, дополняют друг друга, что позволяет авторам делать определенные обобщенные выводы. Это дает возможность использовать в дальнейшем результаты исследования для подготовки научной монографии по истории педагогического образования на Урале, а также для чтения спецкурса для учащихся и студентов педагогических учебных заведений, учителей общеобразовательных школ города Екатеринбурга.

М. К. Елисафенко, Б. М. Игошев, М. В. Попов

**У истоков
педагогического образования на Урале:
1870-е—1890-е гг.**

О сенью 1930 г. был открыт Уральский индустриально-педагогический институт, позднее переименованный в Свердловский государственный педагогический институт (ныне — Уральский государственный педагогический университет, УрГПУ). С момента учреждения и по настоящее время вуз является главной кузницей учительских кадров для общеобразовательных школ города Екатеринбурга (Свердловска) и в определенной степени Уральского региона. Подобного рода учреждение народного образования, готовящее школьных учителей, функционировало в нашем городе уже в конце XIX — начале XX в. Это была Екатеринбургская женская гимназия, являвшаяся не только учреждением среднего образования, но осуществлявшая также профессиональную педагогическую подготовку. Поскольку тогда отсутствовала государственная система высшего женского образования, такое сочетание классической общей и профессиональной подготовки можно рассматривать как предвестие высшего педагогического образования, в полной мере реализованного позднее, в советское и постсоветское время, в деятельности УрГПУ.

Истории Екатеринбургской первой женской гимназии посвящены краеведческие работы уральских авторов В. Микитюка [8] и В. Старкова [11]. В настоящем очерке мы поставили задачу раскрыть роль этого учреждения в становлении системы педагогического образования в Екатеринбурге и на Урале и продемонстрировать, что педагогические учебные заведения советского периода, в первую очередь Свердловский педагогический институт (современный УрГПУ), являются продолжателями традиций педагогического образования, сложившихся на рубеже XIX-XX вв., а деятельность Екатеринбургской женской гимназии во многом аналогична деятельности современного педвуза.

Долгое время образование вообще и женское в особенности не было приоритетным направлением социальной политики российских властей, только во второй половине XIX в. в связи с масштабными реформами наступили перемены. Именно в это время в Российской империи развернулось активное общественное движение за расширение возможностей получения девочками общего образования, что привело к существенному увеличению количества женских училищ.

Идея создания женского училища в Екатеринбурге нашла самую горячую поддержку у горожан. По этому поводу Д. Н. Мамин-Сибиряк заметил: «Характеристикой наступивших шестидесятых годов, по нашему мнению, служит то внимание, с каким общество отнеслось... прежде всего к женско-

му образованию, недостаток которого чувствовался в таком бойком городе, как Екатеринбург, уже давно. История возникновения женской гимназии служит лучшим примером того, что появились новые требования и запросы».

Отсчет истории Екатеринбургской первой женской гимназии ведется с 1860 г., когда в городе было открыто женское училище II разряда с четырехлетним курсом обучения. Помимо предметов, традиционных для учебных заведений такого типа, изучались краткая всеобщая история и география, по желанию — французский язык и рисование. Двери училища были открыты для представительниц всех свободных сословий, ограничения обуславливались исключительно семейным достатком, так как содержалось учебное заведение на общественные средства, включая плату за обучение, которая составляла в 1860 г. 10 руб. в год [9. С. 44].

Первый набор составил 43 ученицы, которых опекали пять учителей [9. С. 45]. Первой начальницей училища была г-жа А. И. Протасова, педагогический совет, в ведении которого была учебно-воспитательная работа, возглавил директор мужской гимназии Д. А. Крупенин [9. С. 37].

В 1862 г. женское училище II разряда было реорганизовано в 6-классное училище I разряда. Курс обучения включал Закон Божий, русский язык, словесность, арифметику, геометрию, физику, всеобщую и русскую историю, географию, начала естествознания, чистописание, рукоделие; желающие

изучали французский и немецкий языки, рисование, музыку, танцы. В 1866 г. училище въехало в отремонтированное и обновленное здание, в нем же состоялся первый выпуск. Из 43 поступивших полный курс закончили 19 девушек 14—18 лет [9. С. 56].

С началом проведения школьной реформы и формированием сети начальных школ в уезде, как во всем регионе, ощущалась катастрофическая нехватка кадров для сельских земских школ, поэтому по решению педагогического совета в 1866/67 уч. г. был открыт дополнительный, педагогический класс, официально имевший статус педагогических курсов.

Система женского среднего образования получила новый импульс после принятия в 1870 г. Положения о женских гимназиях. На его основании Екатеринбургское первого разряда женское училище было преобразовано в женскую гимназию [5. Л. 4]. Теперь появились все основания придать официальный статус системе профессионального педагогического образования, сложившейся еще в 1860-х гг. по инициативе педагогического коллектива и педсовета.

В 1871 г. было начато обучение молодых педагогов — семи девушек, шесть из которых получили статус учительниц, одна — сельской учительницы [9. С.70]. В отчете за 1871/72 уч. г. отмечалось: «Девуцы с большим вниманием следят за преподаванием. Изучение предметов с целью лучшего приготовления для сдачи потом экзамена на звание домашней учитель-

ницы видимо занимает их» [9. С. 74]. В 1872/73 уч. г. набор не состоялся. 31 января 1874 г. были утверждены новые учебные планы гимназий, в соответствии с которыми курсы трансформировались в восьмой, педагогический класс.

Екатеринбургская первая женская гимназия давала полноценное среднее, а также профессиональное образование, что делало это учебное заведение наиболее привлекательным в глазах родителей девочек, поэтому набор ежегодно увеличивался: в 1860 г. учениц было чуть больше 40, в 1870 г. — 187. Однако старое помещение могло вместить максимум 120 человек. Было принято решение строить новое учебное помещение.

5 сентября 1882 г. состоялось торжественное освящение и открытие нового здания Екатеринбургской женской гимназии. Здание представляло собой обширный комплекс, занявший целый квартал между Вознесенским проспектом и Колотовской улицей (ныне это дома с адресами Карла Либкнехта, 9 и Толмачева, 8). Екатеринбургская первая женская гимназия находилась в этом здании в течение всего дореволюционного периода.

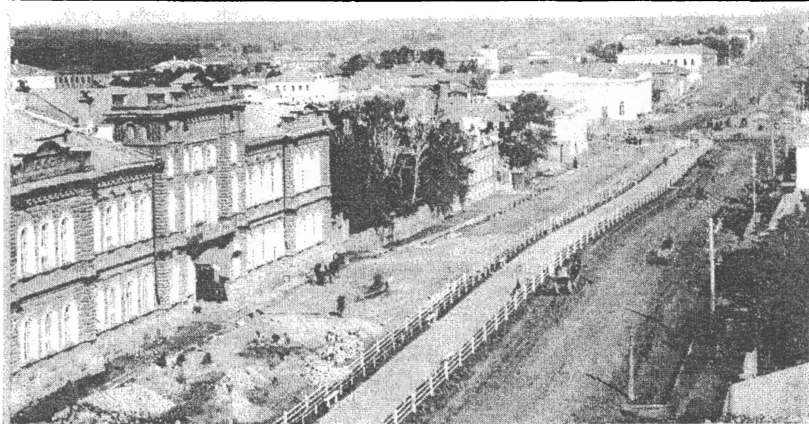
Следует отметить преемственность учреждений педагогического образования в Екатеринбурге: здание, специально отстроенное для первой городской женской гимназии, в советский период было передано Свердловскому педагогическому институту; в настоящее время здесь размещается ряд факультетов вуза.

Здание Екатеринбургской 1-й женской гимназии

Здание было построено по проекту архитекторов В. И. Ревнера и Ю. И. Дютеля. Средства на сооружение были собраны жителями Екатеринбурга; туда вошли также сборы от проведения благотворительных спектаклей и концертов, субсидии уездного казначейства и уездного земств [11. С.43].

В состав комплекса гимназических зданий входил двухэтажный учебный корпус, пансион и церковь Св. Магдалены. На нижнем этаже учебного корпуса располагались девять классных комнат, рисовальный зал, естественно-исторический кабинет, канцелярия, вторая комната для преподавателей и вестибюль. На втором этаже находились рекреационный зал, приемная начальницы, комната преподавателей, несколько учебных классов. По коридорам и в приемной начальницы размещались библиотечные шкафы с книгами [5. Л.14].

Панорама Екатеринбурга со зданием 1-й женской гимназии

При гимназии имелся пансион. В 1908/09 уч. г. в пансионе жило 57 человек, плата за содержание в нем составляла 180 руб. в первом полугодии и 200 руб. во втором [5. Л.15].

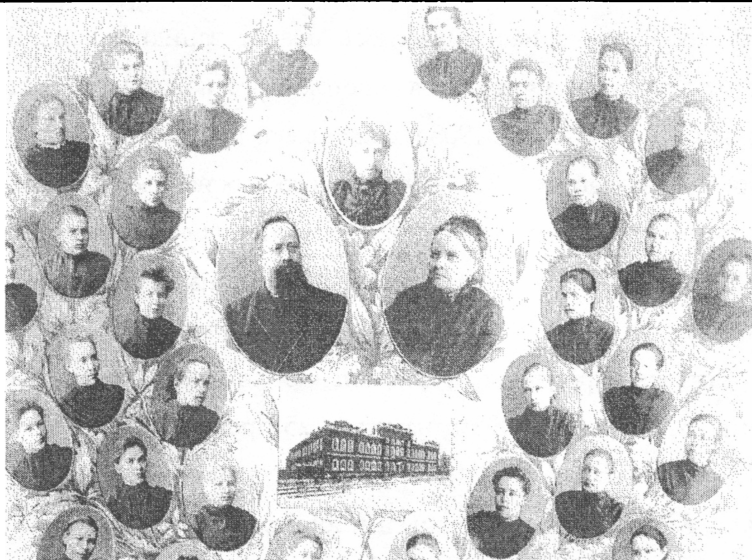
Екатеринбургская женская гимназия была типичным классическим средним учебным заведением. Воспитанницы изучали математику, русский язык и словесность, историю, географию, физику, пение, древние языки — латинский и греческий; за дополнительную плату изучали новые языки — французский и немецкий — и рисование. Обучение было платным. В 1878 г. родители гимназисток платили 40 руб. за год учебы [13. С. 89—91], в 1908 г. — 50 руб. [5. Л. 25] В то же время, благодаря материальной помощи земств, городского управления, различного рода меценатов, которая направлялась девочкам из малообеспеченных семей, ежегодно от 20 до 25 % воспитанниц гимназии училось бесплатно [11. С. 43].

Особое значение придавалось преподаванию Закона Божьего. При этом учитывался многоконфессиональный состав будущих учительниц. В 1908 г. среди воспитанниц гимназии 644 были православными, 32 — иудейского вероисповедания, 8 — римско-католической веры и 22 принадлежали к протестантам [5. Л. 20]. В связи с этим преподавание Закона Божьего велось православными, католическими и лютеранскими священниками.

Интерес представляет социальный состав учащихся гимназии. В 1908 г. из 706 гимназисток 25 происходили из семей потомственных дворян, 168 — личных дворян, 24 — священников, 83 — почетных граждан и купцов, 225 — мещан и цеховых, 146 — крестьян, 3 — инородцев, 32 — прочих сословий [5. Л. 20].

Популярность женской гимназии среди населения объяснялась возможностью получения не только общего, но и профессионального образования: окончив восьмой, педагогический класс, девушки могли рассчитывать на получение аттестата домашней учительницы, домашней наставницы или сельской учительницы.

Обучаться в дополнительном классе могли выпускницы как Екатеринбургской гимназии, так и других учебных заведений при условии успешной сдачи вступительных экзаменов. Обучение было платным, в 1908 г. за него взималось 60 руб. [5. Л. 25]. Для учениц, родившихся за пределами Пермской губернии, плата за обучение была на 10 руб. выше.

Учителя и ученицы Екатеринбургской 1-й женской гимназии

Педагогический класс состоял из двух отделений: первое — для выпускниц гимназии, «дававшее звание домашних наставниц и учительниц, другое — для прошедших 4 класса и имевшее целью выпустить сельских учительниц» [9. С. 68].

Курс обучения по первому отделению (домашних учительниц) включал следующие дисциплины [9. С. 69]: Закон Божий — 1 час в неделю, педагогику и дидактику — 4 часа, русский язык — 2 часа, по 1 часу на арифметику, естествоведение, географию, историю, гигиену, наглядное обучение, по 3 часа на французский и немецкий языки. Всего проводилось 19 уроков в неделю. По второму отделению (сельских учительниц) объем недельных занятий не отличался, но на рус-

ский язык выделялся только час в неделю, вместо географии изучался курс отчизноведения (1 час), а курс истории ограничивался русской (1 час); дополнительный час выделялся на урок пения.

Занятия в педагогическом классе проводились во второй половине дня с 16.00 до 19.00. Учебный год делился на два семестра. В первом изучались теоретические проблемы педагогики, методики, дидактики, ученицы знакомились с разными педагогическими приемами, разнообразными учебниками, сравнивали и оценивали их. Во втором семестре к теоретическим добавлялись практические занятия. Анализ уроков проводился на заседаниях специально созданных комиссий, а в ряде случаев выносился на заседание педагогического совета учебного заведения.

Ученицам первого отделения поручали заниматься с отстающими, они проводили по шесть пробных уроков по избранным предметам в четырех низших классах гимназии. В конце семестра учащиеся представляли работу по педагогике.

Кандидатки на звание сельских учительниц преимущественно сосредотачивались на углубленном изучении русского языка и арифметики и методики их преподавания, знакомились с руководствами обучения русской истории, отчизноведению, естествоведению. В свободное от занятий время ученицы посещали уроки по различным предметам в подготовительном и первом классе, проводили по три пробных урока по чте-

нию, письму, арифметике, занимались репетиторством с отстающими учащимися подготовительного и первого классов.

В свидетельствах о получении звания домашней наставницы или домашней учительницы указывалось, по какому предмету это звание присваивалось: по русскому языку, математике или истории/географии. Меньше всего выпускалось преподавательниц истории и географии. В 1899 г. из 55 выпускниц педкласса лишь 8 были учительницами географии и истории [6. Л. 63].

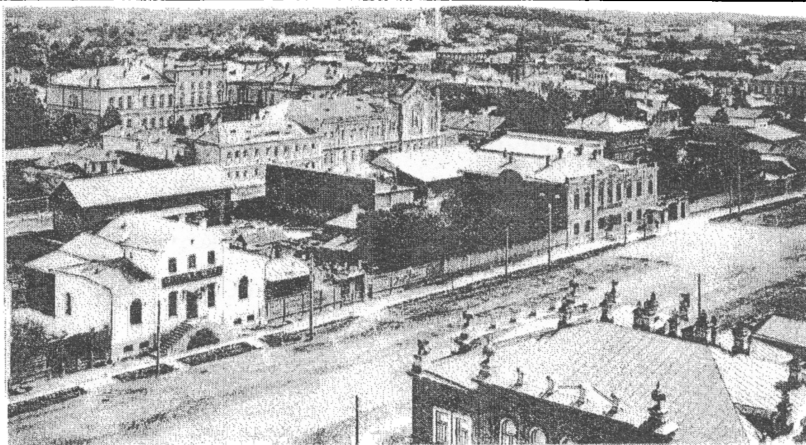
Большое внимание уделяли деятельности педагогических классов инспекторы Оренбургского учебного округа. В мае 1899 г. окружной инспектор, действительный статский советник Андрианов проанализировал уроки, проводившиеся в восьмом дополнительном классе Екатеринбургской женской гимназии, им были также проведены экзаменационные испытания по ряду предметов. Результаты инспекции были признаны вполне удовлетворительными и доложены попечению учебного округа [6. Л. 110—114].

В последней четверти XIX в. из педагогического класса Екатеринбургской женской гимназии ежегодно выпускалось два-три десятка молодых учительниц. Например, в 1885 г. свидетельства домашних наставниц и домашних учительниц получили 26 девочек [3. Л. 3], в 1895 г. — 20 [4. Л. 43]. Всего с 1876 по 1899 гг. суммарный выпуск восьмого, дополнительного класса составил 631 выпускницу [13. С. 89—91]. В начале

XX в. ежегодно в педклассах (их стало уже два) обучалось около пяти десятков молодых педагогов. Например, в 1900 г. звание домашних наставниц и учительниц получили 53 девушки [6. Л. 152]. В 1908 г. два дополнительных, педагогических класса выпустили 74 девушки [5. Л. 21]. Некоторые из них изъявили желание продолжать образование по следующим наукам: педагогическим — 9 человек, медицинским — 9, историко-филологическим — 2, физико-математическим — 2, искусствоведению — 3. Тридцать две выпускницы заявили о желании «перейти на поприще практической деятельности» [5. Л. 21].

Многие выпускницы педкласса работали педагогами в начальных училищах. Кроме того, учителями могли стать все, кто закончил гимназию, даже без обучения в дополнительном, восьмом классе. Согласно положению о гимназиях и прогимназиях от 24 мая 1870 г., ученицы, получившие одобрительный аттестат об окончании курса прогимназии или трех низших классов гимназии, по достижению 16 лет приобретали право на получение звания учительницы народного училища [7. С. 62—70]. Если учесть, что в 1890 г. в Екатеринбургской гимназии ежегодно обучалось 700 человек, станет ясно, какую значительную роль в подготовке учительских кадров на Урале играло это учебное заведение. При этом следует иметь в виду, что население Екатеринбурга даже в 1916 г. составляло всего 72 тыс. жителей [12. С. 190].

Вид на Екатеринбургскую 1-ю женскую гимназию сверху

Таким образом, масштабы деятельности женской гимназии по подготовке учительских кадров для Екатеринбурга сопоставимы лишь с деятельностью в советский период Свердловского педагогического института. При условии отсутствия до конца XIX в. в России государственного высшего женского образования можно признать, что педагогические классы в этот период были одной из немногих возможностей для женщин получить профессиональное образование.

Вряд ли можно проводить исторические аналогии деятельности Екатеринбургской (первой) женской гимназии и педагогических техникумов советского периода: последние были учреждениями профессионального образования, сопоставимыми с горнозаводскими школами дореволюционной России. Екатеринбургская же гимназия, как уже отмечалось,

была типичным классическим учебным заведением: воспитанницы, в первую очередь в педагогических классах, изучали предметы, многие из которых преподавались в университетах.

Преподавателями Екатеринбургской гимназии, проводившими занятия в педагогическом классе, были наиболее квалифицированные педагоги, как правило, с университетским образованием, в основном выпускники Петербургского и Казанского университетов. Так, в 1890 г. все занятия с будущими учительницами проводились преподавателями, окончившими высшие учебные заведения: русский язык преподавал надворный советник Александр Иванович Истомин, выпускник Санкт-Петербургского университета, математику — надворный советник Николай Викторович Введенский, окончивший Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата [З. Л. 10].

Во главе преподавательского коллектива Екатеринбургской гимназии в 1870—1880-е гг. стоял директор, председатель педагогического совета, статский советник, кавалер ордена Св. Владимира четвертой степени, кандидат Казанского университета Андрей Никитич Сатурнов. В 1882 г. ему было 40 лет [З. Л. 9]. В 1890-е гг. педагогический совет гимназии возглавлял статский советник А. А. Степанов [6. Л. 38].

Хозяйственно-административная и воспитательная работа в гимназии находилась в ведении ее начальниц. С 1880-х гг. до начала XX в. должность начальницы занимала Софья Авгу-

стовна Тиме, дочь инспектора Екатеринбургской городской управы, действительного статского советника. Она имела звание домашней учительницы.

При Екатеринбургской женской гимназии, как и при всех учебных заведениях этого типа в тот период, существовал попечительский совет, состоявший из десятка известных и уважаемых личностей Екатеринбурга. В разные годы его возглавляли городские головы В. А. Грамматчиков и М. А. Нуров, потомственный почетный гражданин А. Н. Казанцев, председатель уездной земской управы А. И. Симанов [11. С. 44].

Особое значение имела деятельность попечительского совета по увеличению финансирования учебного заведения из средств города и земства. Например, в 1908 г. на нужды Екатеринбургской первой женской гимназии было выделено городской управой 4 тыс. руб., а земством — 11,7 тыс.руб. Это стало значительной надбавкой к бюджету гимназии, если учесть, что плата, собранная с учениц за обучение, составляла в этом году 26,5 тыс. руб., а казначейством на содержание учебного заведения было выделено всего 1,2 тыс. руб. [5. Л. 24].

Однако средств катастрофически не хватало, и руководство гимназии пыталось использовать различные источники для их получения. Так, в 1880-е гг. одной из форм дополнительного дохода стало предоставление помещений гимназии, прежде всего активного (рекреационного) зала, в аренду за вознаграждение для временного использования благотвори-

тельными организациями и для проведения платных музыкальных вечеров и концертов. При этом педагогический совет гимназии брал на себя обязанность следить за содержанием всех проводимых культурных мероприятий [1. Л. 3]. Плата за проведение концертов ежегодно приносила гимназии от 2-х до 3-х тыс. руб. [1. Л. 31].

В 1890-е гг. рекреационный зал учебного здания широко использовался для «торжественных актов гимназии», обычно проводившихся в сентябре каждого года. Программа этого мероприятия, имевшего несомненное воспитательное значение, обычно включала отчеты попечительского и педагогического советов, церковное песнопение, в котором принимали участие как воспитанницы, так и педагоги, вручение наград. В ряде случаев программой предусматривалось проведение докладов, главным образом связанных с актуальными проблемами педагогической науки [6. Л. 20, 114].

Таким образом, в последней четверти XIX — начале XX в. Екатеринбургская женская (первая) гимназия была учебным заведением, одним из главных направлений деятельности которого являлась подготовка учительских кадров для общеобразовательных школ Урала. Известный педагог Н. Ф. Бунаков писал: «Истинным рассадником народных училищ, хорошо понимающих свое дело, для этого края служила тогда Екатеринбургская женская гимназия. Она дала много не только отличных учительниц для школ Екатеринбурга, Ирбитского,

Шадринского и Верхотурского уездов, но и стойких подвижниц народной школы, отдавших ей всю свою жизнь, все свои силы» [8. С. 63].

Во втором десятилетии XX в. характер, значение и масштабы деятельности Екатеринбургской (первой) женской гимназии по подготовке педагогических кадров для общеобразовательных школ претерпевают определенные изменения. Это связано с рядом обстоятельств. Во-первых, в начале XX в. в России происходит становление высшего женского образования, во-вторых, в Екатеринбурге была открыта вторая женская гимназия, в-третьих, в октябре 1912 г. в Екатеринбурге открылся Учительский институт (просуществовал до 1919 г.) [1. Л. 5]. Все это подготавливало становление нового этапа в истории педагогического образования на Урале.

Как бы то ни было, 1871 г. следует признать годом, положившим начало педагогическому образованию в Екатеринбурге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 1.
2. ГАСО. — Ф. 70. — Оп. 1. — Д. 1.
3. ГАСО. — Ф. 70. — Оп. 1. — Д. 4.
4. ГАСО. — Ф. 70. — Оп. 1. — Д. 8.
5. ГАСО. — Ф. 70. — Оп. 1. — Д. 18.
6. ГАСО. — Ф. 70. — Оп. 1. — Д. 31.
7. Журнал Министерства Народного Просвещения. — 1870. — № 6.

8. Микитюк, В. Истинный рассадник народных училищ / В. Микитюк // Столица Урала. — 2011.
9. Пятидесятилетие существования Екатеринбургской 1-й женской гимназии. 1860—1910. — Екатеринбург, 1912.
10. Пономарева, А. А. Развитие женского образования на Урале в период с XIX до XX в. / А. А. Пономарева // Педагогическое образование в России. — 2007. — № 1. — URL: <http://journals.uspu.ru › i/inst/pedobraz/ped2007>.
11. Старков, В. Рассадник женского образования в крае / В. Старков // Мой город. Екатеринбург в памятниках архитектуры и истории. — Екатеринбург, 2005.
12. Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург, 1998.
13. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. — 1902. — № 4.

Б. М. Игошев, М. В. Суворов

**Профессиональное
педагогическое образование на Урале
(начало XX в.)**

Начало педагогическому образованию на Среднем Урале было положено во второй половине XIX столетия, когда в 1870-е гг. в ходе реализации школьной реформы и формированием сети начальных училищ в Екатеринбургском уезде, как по всему региону, обнаружилась катастрофическая нехватка кадров для сельских земских школ. По решению педагогического совета Екатеринбургской первой женской гимназии был открыт дополнительный педагогический класс, официально имевший статус педагогических курсов, который занялся подготовкой учителей для начальных школ Урала.

В это же время по инициативе министра народного просвещения графа Д. А. Толстого в 1872 г. появляются начальные учебные заведения повышенного типа — городские училища с упрощенным курсом обучения по сравнению с гимназиями.

В этих учебных заведениях действовала классная система преподавания, а все предметы вел один учитель. Городские училища были 1—6-классными.

Данный тип учебных заведений был довольно популярен, так как прохождение курса уездного или городского учи-

лица было обязательным условием для производства канцелярских служащих в первый классный чин коллежского регистратора, что открывало перспективы карьерного роста и получения дворянства для молодых людей. [13. Ст. 296—297].

На Урале, как правило, открывались 3—4-классные учебные заведения с шестилетним сроком обучения. К 1910 г. в Пермской губернии было 35 городских училищ, в Оренбургской — 18, Уфимской — 17. В них заведениях обучались в основном дети рабочих, ремесленников и крестьян. В учебную программу входили: Закон Божий, церковнославянский и русский языки, арифметика, геометрия, география, история, начала естественной истории и физики, черчение, рисование, пение, гимнастика [11. С. 159].

Дополнительный педагогический класс, существовавший при Первой женской гимназии в Екатеринбурге, не мог обеспечить достаточный уровень профессиональной подготовки учителей для этих учебных заведений, поскольку продолжительность учебного курса, более сложная программа обучения в городских училищах по сравнению с начальными образовательными учебными заведениями и чисто мужской состав обучаемых выдвигали высокие требования к педагогическим кадрам.

В связи с этим государственные структуры, руководившие народным образованием на Урале, выступили с инициативой открытия в Екатеринбурге специального педагогиче-

ского учебного заведения — учительского института, главной задачей которого была подготовка учителей для городских училищ.

Истории становления и развития на Урале системы профессионального педагогического образования посвящены работы М. К. Елисафенко, М. В. Попова [19. С. 7—14], А. М. Сафроновой [11. С. 571] и др. Вместе с тем исследований, посвященных истории формирования и функционирования в Екатеринбурге Учительского института — одного из первых профессиональных педагогических учебных заведений на Среднем Урале — нет. Данный очерк призван восполнить этот пробел, а также осветить воздействие войн и революций на профессиональное педагогическое образование в целом и Екатеринбургский учительский институт в частности и проследить историю Уральской высшей педагогической школы.

В Уральском крае учительские институты действовали в г. Оренбурге с 1888 г., в гг. Перми и Уфе с 1909 г. Обучение в них было трехгодичным. Принимались юноши с 16 лет, сдавшие вступительные экзамены по программе народных училищ, или выпускники средних школ без экзаменов. С июня 1917 г. к обучению в институтах были допущены женщины. В учебную программу учительских институтов входило изучение русского языка, чистописания, арифметики, алгебры, геометрии, истории, географии, естествоведения, рисования, черчения, педагогики, пения и гимнастики. С 1907 г. в программу

обучения введены словесность и физика, а с 1916/17 уч. г. — логика и гигиена [11. С. 571].

В Екатеринбурге 20 июня 1912 г. Министерство народного просвещения дало разрешение на открытие с 1912/13 уч. г. Учительского института с городским училищем при нем, которое должно было заниматься подготовкой учащихся для поступления в институт. Подготовительные мероприятия, связанные с открытием нового для города учебного заведения, попечитель Оренбургского учебного округа предложил возглавить директору Екатеринбургской мужской гимназии действительному статскому советнику Яненцу. В своем распоряжении он указывал: «...я покорнейше прошу Ваше превосходительство временно впредь до прибытия в Екатеринбург лица, которому будет поручено заведование делами по открытию учебного заведения, взять на себя труд по выполнению необходимых мероприятий, а именно: объявить во всеобщее сведение, путём напечатания в газетах, издающихся в пределах округа, о состоявшемся разрешении на открытие учительского института, о том, что открыт приём прошений от лиц, желающих поступить в институт» [1. Л. 10, 10 об.].

Правила приема абитуриентов и программа обучения в Учительском институте на начальный период его существования были позаимствованы у Уфимского учительского института, открытого в 1909 г. Из них мы узнаем о том, что «воспитанники, состоявшие в институте казёнными стипендиатами,

по окончании курса должны прослужить не менее шести лет в должности учителя городского училища по назначению учебного начальства. Срок обязательной службы считается со дня выпуска из института». В институт принимались юноши всех званий и состояний от 16 до 22 лет. Лица, имевшие аттестаты об успешном окончании гимназий, духовных семинарий и других средних учебных заведений, зачислялись без вступительных экзаменов при «одобрительном поведении». Вместе с тем отмечалось, что если «число желающих вступить в институт окажется значительным, то такие лица будут наравне с прочими подвергнуты испытанию»[1. Л. 3, 4.]. В программу вступительных испытаний Учительского института вошли следующие предметы: Закон Божий, русский язык, математика, история и геометрия [1. Л. 7 об., 8.].

Екатеринбургский учительский институт открылся 5 октября 1912 г. К 4 сентября 1912 г. в приемную комиссию было подано 126 заявлений от желающих обучаться в нем, а 85 человек изъявили желание учиться в открываемом при нем городском училище [2. Л. 4.].

Директором института был назначен распоряжением заместителя министра народного просвещения В. Шевякова председатель педагогического совета Троицкой женской гимназии действительный статский советник Иван Александрович Тихомиров. В своем отношении попечителю Оренбургского учебного округа он писал: «Сим честь имею почтитель-

нейше донести Вашему Превосходительству, что прибыл в Екатеринбург 7 сего сентября и вступил в исполнение обязанностей директора вверенного мне Учительского института». К этому времени выпускник Императорского историко-филологического университета И. А. Тихомиров 38 лет отдал народному образованию, неоднократно награждался государственными и отраслевыми наградами [8. Л. 4.].

Представительным был и педагогический состав института. С момента основания этого учебного заведения в нем «сеяли разумное, доброе, вечное» Владимир Иванович Лебедев (протоиерей — законоучитель), Михаил Зотикович Тюрин (учитель пения), Левенсанг Иезекиль-Борух Матиасович (доктор медицины — врач института и преподаватель гигиены). В училище института обучал учеников гимнастике Михаил Петрович Борткевич. Позднее в педагогический коллектив вошли учитель русского языка и литературы Александр Владимирович Бардин, преподаватель графического искусства надворный советник Всеволод Федорович Ульянов, учитель физики и математики Николай Иванович Снегирев, преподаватель естествознания статский советник Георгий Трофимович Пушкарёв; возглавлял канцелярию института коллежский советник Сергей Флегонтович Широких [8. Л. 1а.].

С первого дня существования перед новым учебным заведением встал целый ряд проблем, наиболее острая из них — отсутствие собственного помещения. Решить ее Учительскому

институту помогла частная инициатива: уральский промышленник Василий (Фридрих) Егорович Ятес, гражданин Великобритании, предоставил институту здание в аренду на шесть лет.

Семейству Ятесов посвятил специальное исследование тюменский ученый В. Е. Копылов [15]. Он указывает, что первое упоминание в Екатеринбурге о Ятесах (Yates) относится к концу 60-х или началу 70-х гг. XIX в. Четверо молодых англичан — три брата и племянник: Томас, Джон, Альберт и Вильям, — наслышанные о богатствах Урала, приехали в его столицу с наивным намерением организовать с английским размахом выгодную добычу золота в окрестностях города. Неприятное чувство разочарования чужестранцам пришлось пережить сразу же, поскольку богатые месторождения золота давно прибрали к рукам русские предприниматели. Альберт вернулся на родину, а старший брат Томас (на русский лад его чаще всего называли Фомой Егоровичем, реже — Иваном Егоровичем), воспользовавшись отъездом своего родственника Г. И. Гуллета в Тюмень, приобрел у него в Екатеринбурге машиностроительный завод. Предприятие было расширено и обновлено в техническом отношении (ныне это ОАО «Уралтрансмаш»). Он же способствовал устройству в городе механической мастерской для Вильяма. После тщательного, в английской манере, изучения конъюнктуры уральского рынка Фома Ятес совместно с Джоном (или, как еще сообщается в документах, с Джеком) строит бумажную фабрику на реке

Пышме в окрестностях известного курорта Курьи близ Сухого Лога.

Окрепнув в финансовом отношении, Ф. Е. Ятес приобрел в центре Екатеринбурга, в тупике Почтовой улицы, внушительный двухэтажный особняк. Здание возвели в 1830-х гг. по проекту знаменитого уральского архитектора М. П. Малахова. С 1841 г. особняк приспособили под почтовую контору с комнатами для приезжих. Дом знавал многих интересных людей России и Урала, здесь останавливались на пути в Сибирь декабристы. В феврале 1892 г. в этом доме Ятесы устроили первую в Екатеринбурге телефонную станцию на 100 номеров, а спустя четыре года, почти сразу после изобретения Люмьеров, продемонстрировали уральцам необыкновенные возможности кино.

Вероятно, в начале XX в. это здание принадлежало В. Е. Ятесу, и именно оно и стало первым учебным корпусом Екатеринбургского учительского института и городского училища. Здание это сохранилось до наших дней в несколько перестроенном виде (надстроили два этажа). Сейчас в нем находится Институт геологии и геохимии Уральского научного центра (Почтовый переулок, 7). Во всяком случае, в «Отчёте о состоянии Екатеринбургского учительского института и городского училища при нём за 1914 г.» читаем: «Институт помещается в каменном трёхэтажном здании, арендованном по контракту у Великобританского подданного В. Е. Ятес на 6 лет до авгу-

ста 1918 г. В верхнем этаже помещается институт, в среднем городское училище и в нижнем — полуподвальном — размещены квартиры служащих. Помещение института теплое и сухое, но имеет важный недостаток — теснота» [2. Л. 13 об.].

Недостаток и теснота занимаемых институтом помещений часто становились темой обсуждения на педагогическом совете. Уже 31 октября 1912 г. рассматривался вопрос о постройке собственного здания для института и городского училища, тем более что количество учеников постоянно росло. Это стимулировалось тем, что ещё в 1908 г. по инициативе премьер-министра П. А. Столыпина Государственная дума приняла закон о введении в стране в течение десяти лет общедоступного, а затем обязательного четырехлетнего начального образования. Начался резкий рост численности школ. С 1907 по 1915 г. число только начальных школ на Урале выросло на 74 %, увеличивается потребность в педагогических кадрах, и в 1914 г. в городском училище был открыт третий дополнительный класс, а число учеников составило 66 человек [2. Л. 13 об.].

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война затронула все сферы общественной жизни страны, повлияла и на образовательные заведения. Воспитанники Учительского института ежегодно делали отчисления при получении стипендий в пользу военно-медицинских учреждений, расположенных в Екатеринбурге, принимали активное участие в концертах,

устраиваемых учебными заведения города «на предмет изыскания средств на подарки воинам, находящимся на фронте» [4. Л. 31].

Война повлекла за собой изменения в контингенте учеников и кадровом составе института: преподаватель математики и физики Н. И. Снегирев в январе 1916 г. поступил добровольцем в военное училище [5. Л. 7]; в ряды российской армии мобилизовали четырех воспитанников: одного — рядовым на фронт, трое поступили в военные училища. Из выпускников института разных лет 30 человек поступили в военные училища и ушли на фронт офицерами. Были и потери. В июле 1916 г. ушедший добровольцем в армию воспитанник второго класса Иван Шаврин «пал геройской смертью в битве с турками» [3. Л. 20]. В документе «Участие Екатеринбургского учительского института в удовлетворении нужд военного времени», датированном 16 мартом 1917 г., читаем: «Из окончивших институт убит один воспитанник, ранено два (один два раза)» [4. Л. 31].

В период войн и революций количество воспитанников в Учительском институте менялось. Изменения отражены в таблице 1.

Анализ представленных данных показывает, что количество учащихся института с началом Первой мировой войны снижается. Это вызвано добровольным вступлением и мобилизацией части учеников в ряды российской армии, поступлением в военные учебные заведения. Рост числа обучаемых

в 1917/18 уч. г. объясняется тем, что согласно постановлению Временного правительства от 14 июня 1917 г. право поступать в учительские институты получили женщины, за счет которых и увеличился контингент учащихся. Также в условиях военного времени педагогическим советам институтов было разрешено делать некоторые отступления от требований к поступающим в части образовательного ценза и стажа педагогической работы.

Таблица 1

Изменения в контингенте учащихся
Екатеринбургского учительского института
в 1914/15 — 1917/18 уч. гг.

Учебный год	1914/15	1915/16	1916/17	1917/18
Количество учащихся	62	54	52	72

Примечание. Таблица 1 составлена по данным: [2. Л. 7; 3. Л. 19 об.; 5. Л. 7 об.]

Большая часть воспитанников Екатеринбургского учительского института принадлежала к малообеспеченным слоям населения: 90 % учившихся в нем составляли дети крестьян, мещан и рабочих [3. Л. 5]. Поэтому трудности Первой мировой войны ощущались учащимися особенно остро. Падение жизненного уровня вынуждало их искать дополнительные источники заработка для оплаты обучения и проживания, помогать родителям, а потому приходилось пропускать учебные занятия.

Стоимость обучения в Екатеринбургском учительском институте составляла 15 руб. в год. И даже в тяжелых услови-

ях войны она не менялась. Однако для детей, крестьян проживающих в Екатеринбурге на частных квартирах (интерната при институте не было) и обучающихся за свой счет, эта сумма была значительной и толкала на поиски дополнительных заработков, что негативным образом сказывалось на посещаемости занятий.

Например, по данным за 1915 г., воспитанниками Учительского института было пропущено 4260 уроков, т. е. по 67,6 урока на каждого воспитанника. Администрация учебного заведения объясняла пропуски продолжительной болезнью некоторых воспитанников и «семейными вполне уважительными обстоятельствами» [2. Л. 4 об., 5, 7]. С 1916 г. пропуски учебных занятий происходят по другой причине. В «Отчете о состоянии Екатеринбургского учительского института и городского при нем училища за 1916 г.» указывается, что из 3429 пропущенных учениками уроков 2095 приходится на «воспитанников, находящихся в военной службе» [5. Л. 8].

Материальную помощь ученикам оказывали земские органы самоуправления Уральского края. Так, Пермское губернское земство ежегодно выделяло в распоряжение директора Учительского института 100 руб. для вноса платы за беднейших воспитанников, кроме того, оно содержало шесть стипендиатов. Ежегодные стипендии выплачивали ученикам и Оханское, Екатеринбургское, Соликамское, Верхотурское и Красноуфимское уездные земства [2. Л. 6].

Об уровне государственного финансирования Екатеринбургского учительского института и стоимости обучения одного ученика в годы Первой мировой войны дает представление таблица 2.

Таблица 2

Стоимость обучения одного ученика
в Екатеринбургском учительском институте
и размер государственного финансирования учебного заведения
в 1914/15 — 1916/17 уч. гг.

Учебный год	1914/15	1915/16	1916/17
Сумма, отпущенная из государственного казначейства на содержание института	32769 руб. 60 коп.	33 898 руб. 22 коп.	40 235 руб. 81 коп.
Стоимость обучения одного ученика	504 руб. 83 коп.	526 руб. 64 коп.	637 руб. 85 коп.

Примечание. Таблица 2 составлена по данным: [2. Л. 5, 5 об.; 3. Л. 20, 20 об.; 5. Л. 8, 8 об.].

Анализ представленной в таблице информации показывает, что даже в условиях войны государственное финансирование Учительского института из года в год увеличивалось, практически не отставая от роста стоимости обучения ученика. Эти данные тем более показательны, что стоимость обучения учеников подсчитана администрацией Учительского института, а не государственными чиновниками, поэтому приведенные цифры, на наш взгляд, носят достоверный характер. Так, по сравнению с 1914/15 уч. г. затраты на обучение одного учащегося в 1916/17 уч. г. увеличились на 26 %, а финансирование из государственного бюджета — на 22%.

Произошедшая в феврале 1917 г. революция повлекла за собой демократические преобразования во всех областях общественной жизни России, затронувшие и систему образования.

Первые шаги Временного правительства были направлены на устранение отдельных реакционных чиновников и административных структур. В марте 1917 г. началась смена попечителей учебных округов и других чиновников. В мае правительство ликвидировало городские, губернские и уездные училищные советы, в июне упразднило ученый комитет и совет министра Министерства народного просвещения (МНП) [10. С. 49—51]. В мае 1917 г. начала работу совещательная комиссия, образованная по инициативе педагогической общественности для обсуждения вопросов образовательной реформы. Позднее она получила официальный статус и название Государственного комитета по народному образованию. В него вошли представители Всероссийского учительского союза, Академического союза, Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, Исполнительного комитета Государственной думы и других организаций. Комитет разработал большое количество законопроектов, которые могли бы существенно изменить старую систему образования, направив ее на путь демократического, эволюционного развития [16].

Проблему реформирования учительских институтов Временным правительством в 1917 г. подробно рассматривает в своей статье томский историк С. А. Кочурина [17. С. 168—

171]. Автор указывает, что министр народного просвещения Временного правительства А. Мануйлов поставил задачу коренным образом реформировать систему образования, в основу которой должны были быть положены принципы демократизации, состоящие в преемственности разных ступеней обучения, доступности образования, улучшении материального положения учителей и т. д. Изменения в школьной системе потребовали и реформирования специальных педагогических учебных заведений — учительских институтов.

Важную роль в этом процессе играли представители учительских профессиональных организаций, среди которых особенно хотелось бы отметить членов Всероссийского учительского союза (ВУС). Его формирование проходило 7—9 апреля 1917 г. в Петрограде на Всероссийском учительском съезде. В его работе участвовало более 800 делегатов. Они приняли устав союза, первый параграф которого гласил: «Основными своими задачами союз считает: а) борьбу за коренную реорганизацию дела народного образования в России на началах свободы, демократизации и децентрализации его...». Председателем совета ВУС был избран С. А. Золотарев. ВУС стал наиболее крупной и влиятельной учительской организацией России. К осени 1917 г. он объединял 346 местных учительских союзов и был организационно связан с 209 союзами. В ВУС состояло около 75 тыс. членов, т. е. свыше 30 % всего российского учительства [18. С. 127].

8 апреля 1917 г. в Петрограде открылся Всероссийский съезд учительских организаций, организовавший специальную комиссию для разработки реформ, в которую вошли представители Всероссийского учительского союза, Совета солдатских и рабочих депутатов, Исполнительного комитета Государственной думы и различных национальных организаций. Министерство народного просвещения обратилось к преподавателям, делегатам от родительских комитетов и кружков, общественным организациям всех регионов России с предложением принять непосредственное участие в разработке реформы российской школы. К работе над проектом реорганизации педагогических учебных заведений активно подключились коллективы ведущих учительских институтов страны. На май 1917 г. был намечен съезд представителей учительских институтов в Феодосии, который должен был разработать специальный законопроект реформы к Всероссийскому съезду деятелей по народному образованию в Петрограде.

Первые результаты обсуждения и инициативные предложения общественных организаций были представлены на Всероссийском съезде слушателей учительских институтов, проходившем с 1 по 10 мая 1917 г. в Москве. На съезде был разработан план реорганизации учительских институтов в высшие педагогические учебные заведения с четырех-/пятилетним курсом обучения. Решения этого съезда были повсеместно поддержаны учительскими организациями России.

Летом 1917 г. Временное правительство приступило к реорганизации системы педагогического образования. Несмотря на обещания министра народного просвещения А. Мануйлова кардинальным образом реформировать систему образования, законопроекты носили умеренный характер и лишь отчасти отвечали требованиям, выдвигаемым профессиональными учительскими организациями. Законодательные акты предусматривали устранение препятствий для дальнейшей демократизации системы образования, очищение ее от сословных пережитков и ограничений. Но одно из главных требований педагогической общественности — реорганизация учительских институтов в высшие учебные заведения — выполнено не было.

Постановлением МНП от 13 июня 1917 г. выпускникам учительских институтов было предоставлено официальное право поступления в университеты. При поступлении в вузы бывшим воспитанникам учительских институтов предоставлялась отсрочка от обязательной шестилетней службы в школах за право пользования казенной стипендией в годы учебы. Но главным событием стало постановление Временного правительства от 14 июня 1917 г. о реформе учительских институтов, которое содержало несколько ключевых положений. Во-первых, курс обучения в институтах оставался трехлетним. Во-вторых, вводилась специализация по трем отделениям — словесно-историческому, физико-математическому, естест-

венно-историческому и географическому. В-третьих, учительские институты переставали быть исключительно мужскими учебными заведениями и могли быть мужскими, женскими или смешанными (с параллельными мужскими и женскими классами). Закон от 17 июня 1917 г. повышал статус учительского института до уровня «выше среднего» учебного заведения. В первый класс института принимались «лица, окончившие курс учительских семинарий, мужских гимназий и реальных с дополнительным классом училищ, семи классов женских гимназий, институтов. Коммерческих училищ и епархиальных женских училищ и равных им по курсу правительственных учебных заведений... которые состояли на учительской службе не менее двух лет» [18. С. 169].

Таким образом, Временное правительство обозначило основные направления модернизации профессионального педагогического образования: повышение статуса учительских институтов, расширение специализации, доступ в эти учебные заведения лиц женского пола.

Для обсуждения предложенных Временным правительством изменений в системе педагогического образования в Петрограде был создан Первый Всероссийский съезд представителей учительских институтов, проходивший с 5 по 11 августа 1917 г. Решениями этого съезда были утверждены положения ранее принятого закона о трехлетнем обучении с разделением курса на специализации. Также участники съезда признали

необходимым введение предметной специализации с первого курса при параллельном преподавании общеобразовательных и специально-профессиональных дисциплин. Это было вызвано объективными потребностями Первой мировой войны, так как позволяло оперативно решать проблемы, стоящие перед школой — привлекать учащихся учительских институтов в качестве учителей начальных классов или допускать к работе окончивших обучение до конца учебного курса. Также съезд подтвердил право на поступление в институты лиц, окончивших средние учебные заведения и имевших практический опыт работы. Вместе с тем в связи с трудностями войны в 1917/18 и 1918/19 уч. гг. педагогическим советам было разрешено делать некоторые отступления от требований из-за возможной нехватки кандидатов.

Учащихся реформированных учительских институтов было решено именовать слушателями, а годы обучения не классами, а курсами. В резолюциях съезда указывалось, что на каждом курсе могло обучаться 45 человек, но ввиду временной потребности в значительном количестве учителей по решению педагогического совета число могло увеличиваться до 75 слушателей.

В резолюции «По вопросу о внутреннем строе учительских институтов» съезд указал на широкую автономию этих учебных заведений. В состав педагогического совета, наравне с преподавателями, должны были входить по одному предста-

вителю от городского и земского общественного самоуправления. Для обеспечения интересов слушателей создавались специальные комиссии, в состав которых входили преподаватели и слушатели института. Вводился аналогичный вузам принцип избираемости на педагогическом совете директора и преподавателей института. Кандидатура директора должна была утверждаться в министерстве. Преподаватели первоначально избирались на год, при повторно избрании должность представлялась бессрочно. Этот же документ подтвердил право выпускников учительских институтов на высшее образование с преимуществом перед другими кандидатами при поступлении в вузы со специальной педагогической подготовкой — Историко-филологический институт, Педагогический институт им. Шелапутина и др.

Особое внимание делегаты съезда уделили разработке новых учебных планов. Предложенные проекты позволяли слушателям учительских институтов за три учебных года изучить специальные дисциплины фактически в объеме университетского курса по работам ведущих российских ученых и получить научно-практическую подготовку и навыки педагогической работы в школе.

Однако решения, принятые Первым Всероссийским съездом представителей учительских институтов, несомненно продвигавшие реформу профессиональных педагогических учебных заведений по пути демократизации, отражавшие точ-

ку зрения передовой учительской общественности на пути развития системы педагогического образования, не имели силу закона, а потому носили во многом рекомендательный характер. В повседневной деятельности администрации учительских институтов, как правило, руководствовались постановлениями Временного правительства как единственного на то время, до созыва Учредительного собрания, органа власти в России.

Демократические реформы в области образования, проводимые Временным правительством, проявились и в Уральском регионе.

Распоряжением от 19 марта 1917 г. управляющий Оренбургским учебным округом М. Миропиев разрешил беспрепятственный прием в учебные заведения бывших учащихся, «понесших наказания по политическим и религиозным делам как в административном, так и в судебном порядке» [4. Л. 36]. Также при приеме в учебные заведения отменялось обязательное представления сведений о политической благонадежности. В распоряжении от 23 марта 1917 г. указывалось: «Лица педагогического персонала учебных заведений всех типов ведомства Министерства народного просвещения, устраненные при прежнем режиме за политическую деятельность, подлежат беспрепятственному допущению к преподавательской деятельности в случае возбуждения или ходатайства об этом и при наличии соответствующих вакансий» [4. Л. 39].

1917/18 уч. г. стал поворотным в судьбе Екатеринбургского учительского института. В отчете о деятельности института в 1918 г. указывается: «Под влиянием политических событий с одной стороны и реформы учительских институтов с другой воспитанники учебного заведения в начале учебного года выдвинули два требования: о допуске их представителей в педагогический совет с правом решающего голоса и о „распространении реформы на второй и третий курсы“, одновременно учащиеся объявили забастовку» [9. Л. 5]. Иными словами, учащиеся потребовали от администрации выполнить резолюции Первого Всероссийского съезда представителей учительских институтов.

Характерно, что воспитанники не выдвигали никаких политических требований, а выступали как лица с активной жизненной позицией, с одной стороны, заинтересованные в кардинальных преобразованиях системы педагогического образования, с другой — желающие получить право на высшее образование по окончании учительского института.

Еще в декабре 1916 г. учащиеся Екатеринбургского учительского института совместно с воспитанниками аналогичных учебных заведений Уфы и Оренбурга обращались к Министру народного просвещения с ходатайством о расширении программы обучения в учительских институтах и о предоставлении окончившим курс права поступать в высшие учебные заведения. Для поездки в Петроград был выбран делегат,

представлявший их интересы, но в Министерстве его не приняли, а председатель Государственной думы Родзянко пообещал поставить вопрос о преобразовании учительских институтов на повестку дня заседаний [4. Л. 8, 8 об.].

Педагогический совет Учительского института удовлетворил требования слушателей и, совместно с их делегатом, отправил своего представителя к попечителю Оренбургского учебного округа с ходатайством о проведении в жизнь постановлений педагогического совета. Исполняющий обязанности попечителя Оренбургского учебного округа В. Гордлевкий утвердил решения педагогического совета, но учащихся допустил в «педагогический совет только с совещательным голосом» [9. Л. 5]. После этих событий занятия в учительском институте продолжились, но свои коррективы внес большевистский переворот 25 октября 1917 г., приведший к расколу в среде преподавателей и учащихся Екатеринбурга.

Директор учительского института И. А. Тихомиров в своем отчете за 1918 г. пишет, что «большевистский переворот отразился неурядицами в местной торговой школе. В последней власть перешла к преподавателю Киселеву, и из нее ушли все преподаватели, не сочувствовавшие большевикам. Место ушедших заняли некоторые из слушателей института, которым и выразили порицание слушатели, стоявшие определенно против советской власти и заявившие свое оппозиционное настроение против нее на своем общем собрании. Таким обра-

зом, слушатели разбились на два лагеря: меньшинство было на стороне большевиков, а громадное большинство — против. Меньшинство, опираясь на советскую власть и, по слухам, руководимое одним из преподавателей института, «решило бороться с большинством в стенах института и постановило использовать недовольство слушателей одним из преподавателей» [9. Л. 5]. В начале января 1918 г. на общем собрании слушатели Екатеринбургского учительского института потребовали переизбрать весь педагогический персонал.

Педагогический совет пошел навстречу желанию учащихся, так как «вопрос о введении избирательного начала неоднократно в нем обсуждался и частично осуществляется» [9. Л. 5 об.], к тому же выборность руководства и педагогов укладывалась в рамки реформы педагогических институтов и неоднократно обсуждалась учительскими общественными организациями, в том числе ВУСом, Уральским педагогическим союзом и др. Но по вопросу о составе избирательной комиссии мнения педагогов и представителей Екатеринбургского Совета солдатских и рабочих депутатов разошлись.

Члены педагогического совета постановили, что в состав комиссии должны были войти по одному представителю от Уральского педагогического союза, городского самоуправления, уездного земства и по три представителя от преподавателей института и слушателей. Но на одном из заседаний комиссии «большевистский комиссар просвещения Киселев со-

общил, что вопрос об избирательной комиссии для учительского института будет разрешен в культурно-просветительном совете, организованном городской думой, при чем заявил об отводе представителя от организованного учительства, а равно заявил о необходимости участия в комиссии десяти представителей от учащихся и десяти представителей от общественных организаций — всех исключительно из левого социалистического крыла», как указывает в отчете за 1918 г. директор Учительского института [9. Л. 5 об.].

Необходимо отметить, что под организованным учительством надо понимать представителей Уральского педагогического союза, которые разделяли взгляды ВУСа. В свою очередь, захват власти, совершенный большевиками в октябре 1917 г., был воспринят руководством ВУСа и его местными организациями резко отрицательно, «как попрание принципов демократии». Большой совет ВУСа рекомендовал местным организациям воздержаться «от любых сношений с большевистскими властями» или допускать их лишь в случаях, когда «необходимость в них обуславливается интересами защиты арестованных учителей и учащихся» [14. С. 91]. Поэтому большевики всеми силами старались вытеснить из системы образования педагогов, разделявших идеи ВУСа и Уральского педагогического союза.

Для Екатеринбургского учительского института выборы преподавательского состава по методике, предложенной Ки-

селевым, фактически означали увольнение сотрудников со значительным педагогическим стажем: во-первых, в большинстве своем они являлись членами Уральского педагогического союза или разделяли его взгляды, во-вторых, участие в «баллотировке» десяти представителей от слушателей института и десяти представителей от общественных организаций «левого социалистического крыла» сводило к минимуму возможность педагогов повлиять на исход выборов, потому что их общая численность не превышала десяти человек и, наконец, преподаватели института 20 марта 1917 г. присягнули на верность «Временному Правительству впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания» [4. Л. 37], что фактически ставило их по другую сторону баррикад от большевиков.

Вследствие вышеизложенного педсовет не согласился на предложение Киселева, и комиссия по организации выборов прекратила свое существование. В ответ в Екатеринбургском Совете солдатских и рабочих депутатов образовали новую комиссию, составленную из представителей общественных организаций и учащихся исключительно левой социалистической политической ориентации, и приступили к выборам педагогического персонала учительского института. «На предложение этой комиссии баллотироваться никто из педагогов желания не выразил, и таким образом все преподаватели считались выбывшими из института», — указывал в своем отчете ди-

ректор Екатеринбургского учительского института И. А. Тихомиров [9. Л. 6].

26 февраля 1918 г. Екатеринбургский учительский институт был преобразован в Уральскую высшую педагогическую школу для подготовки учителей средних учебных заведений Урала. Отдел народного образования при Екатеринбургском Совете солдатских и рабочих депутатов в постановлении № 145 от 11 марта 1918 г. приказал «гражданину Тихомирову прибыть к 10 часам утра 12-го сего марта в здание закрытого учительского института для сдачи инвентаря хозяйственной комиссии Уральской высшей педагогической школы» [2. Л. 85].

27 февраля 1918 г. было принято постановление Государственной комиссии по просвещению о выборности всех педагогических должностей [11. С. 82—83]. Выборы должны были проводить местные советы по личным заявлениям претендентов. Звание учителя или наличие диплома были необязательны, зато признавались желательными рекомендации политических и иных организаций, изложение своих педагогических и общественно-политических взглядов и т. п.

В Екатеринбурге Комиссариат народного просвещения 28 мая 1918 г. издал постановление следующего содержания: «1. Перевыборы во все учебные заведения закончить в недельный срок с 1 по 7 июня сего года. 2. Преподавателям прежнего состава подать заявления о желании баллотироваться в комиссариат просвещения к 1 июня. Те из преподавателей, которые

к указанному сроку не подадут заявлений о баллотировке, будут считаться к этому времени уволенными» [6. Л. 8].

О задачах, стоящих перед новым для Урала учебным заведением, писал в своей статье «Уральская высшая педагогическая школа» член ее педагогического совета Ю. И. Крыжановский: «...обязательное всеобщее начальное обучение, глубокие реформы существующих и создание новых типов средней школы, расширение высшего образования — вот те проблемы, которые становятся перед творческой мыслью борца с народной темнотой. Задача по объёму и содержанию громадная и не удивительно, что перед ней опускаются руки многих общественных деятелей.

Но много сделать и можно и должно. До сих пор кадр учителей средней школы поставлялся университетом, который выпускал людей более или менее знающих какую-либо отрасль науки, но также мало подготовленных к педагогической деятельности, как и почти ко всякой другой. Таким образом, на очереди стоит создание такого института, который был бы питомником и рассадником преподавателей обновленных средних учебных заведений — педагогов в истинном значении этого слова. На основании этих принципов и зародилась Уральская высшая педагогическая школа, основанная в Екатеринбурге в феврале текущего года группой учителей и имеющая своей целью поставлять учителей средних учебных заведений в пределах всей Уральской области» [6. Л. 85].

Первый семестр обучения начался 1 марта 1918 г. и закончился в конце мая. Педагогическим коллективом он рассматривался как экспериментальный, так как имел своей целью выработку учебной программы. Планировалось, что новый вуз будет иметь в своем составе три факультета — географический, физико-математический и историко-филологический «соответственно трём ветвям знаний». Продолжительность обучения в Уральской высшей педагогической школе составляла четыре года, на старших курсах предполагалось ввести специализацию по направлениям подготовки учащихся. В программу обучения каждого факультета одновременно с естественно-научными предметами вводился «целый ряд общеобразовательных наук, каковы: история культуры, политическая экономия, физиология и общие вопросы биологии, один из иностранных языков». Также составной частью учебного курса были педагогические науки — педагогика и методика преподавания каждого предмета. Система преподавания в вузе была лекционная. Одновременно с теоретическими занятиями проходили практические в лабораториях и семинары [7. Л. 8, 9].

В отличие от Екатеринбургского учительского института, в который зачисление производилось по окончании среднего учебного заведения, условия зачисления абитуриентов были весьма демократичными: в 1918/19 уч. г. «прием производится независимо от образовательного ценза поступающего лица» [7. Л. 9, 10].

Таким образом, большевики попытались радикально реформировать систему специального педагогического образования на Среднем Урале. Фактически Учительский институт превратился в высшее учебное заведение. Вместе с тем основы формирования высшей педагогической школы были заложены в предшествующий период. В отчете о деятельности Екатеринбургского учительского института за 1918 г. его директор указывал, что в своей деятельности учебное заведение руководствуется постановлениями Временного правительства и Первого Всероссийского съезда представителей учительских институтов, который проходил с 5 по 11 августа 1917 г. в Петрограде [9. Л. 8]. Постановление Временного правительства от 14 июня 1917 г. «О реформе учительских институтов», разрешившее поступление в них лицам, окончившим только средние учебные заведения, и решения Съезда по программе, срокам, содержанию обучения практически приравнивали учительские институты к высшим учебным заведениям.

Отличие созданной большевиками Уральской высшей педагогической школы от Екатеринбургского учительского института состояло, во-первых, в четком определении статуса учебного заведения, во-вторых, в зачислении абитуриентов независимо от образовательного ценза и, в-третьих, порядком проведения выборов педагогического персонала, осуществлявшихся с позиций так называемого классового подхода.

Вместе с тем Высшая педагогическая школа в крае существовала недолго — до августа 1918 г. После отступления большевиков из Екатеринбурга с целью установления реальной власти в регионе до созыва Уральской областной думы или Всероссийского Учредительного собрания 19 августа 1918 г. было образовано Временное областное правительство Урала, которое возобновило деятельность всех учреждений, функционировавших до большевиков. Вновь начал свою работу и Екатеринбургский учительский институт, но в значительно измененном виде как по составу преподавателей, так и по количеству слушателей: «Чтение лекций началось только с 1 октября, а по причине занятия Пермской губернии большевиками при очень ограниченном числе слушателей. Занятия с этого числа шли однако правильным темпом, ничем не нарушались, их можно было бы считать вполне нормальными, если бы число слушателей было больше», — отмечал в отчете о деятельности учительского института в 1918 г. его директор И. А. Тихомиров.

Ко времени возобновления занятий в Екатеринбургский учительский институт вернулось только четыре штатных преподавателя. По распоряжению Временного областного правительства Урала от 4 сентября 1918 г. были произведены выборы педагогического персонала. Для их проведения была образована избирательная комиссия, в которую вошли по два представителя от городского самоуправления и земства, четыре

представителя от Уральского педагогического союза и четыре представителя от слушателей. По данным на 1 января 1919 г., в Екатеринбургском учительском институте работало 11 педагогов [9. Л. 7].

В связи с закрытием Учительского института большевиками в феврале 1918 г. часть его слушателей (33 человека) перешли в Уральскую высшую педагогическую школу, а остальные, «не пожелавшие воспользоваться благами новой, устроенной большевиками школы, разъехались в разные стороны» [9. Л. 5]. Когда Учительский институт возобновил свою работу, к занятиям приступило только 14 учащихся [9. Л. 9].

К сожалению, дальнейшие сведения о деятельности Екатеринбургского учительского института в Государственном архиве Свердловской области отсутствуют, и никаких документальных актов о его ликвидации специалистам этого учреждения обнаружить не удалось.

Таким образом, войны и революции оказали негативное воздействие на процессы формирования высшей педагогической школы на Урале: привели к снижению численности обучаемых, объемам финансирования и сокращению преподавательского состава. Вместе с тем даже в тяжелый период Первой мировой войны государство продолжало увеличивать финансирование Екатеринбургского учительского института, частично отменялась плата за обучение, посильную помощь учебному заведению оказывали земские органы самоуправления.

Революционные потрясения 1917 г. привели к серьезным переменам в системе профессионального педагогического образования. Были провозглашены новые принципы функционирования специальных педагогических учебных заведений: повысился статус Екатеринбургского учительского института, который по программе обучения стал приближаться к высшей школе, вносились демократические начала в его внутреннюю жизнь. Одновременно события октября 1917 г. провели определенный водораздел между сторонниками и противниками большевистского переворота. Большая часть педагогов и учащихся Учительского института не приняла новой власти, что, в конечном счете, привело к реорганизации учебного заведения.

Последствия этого носили противоречивый характер. С одной стороны, можно говорить о создании на Урале 26 февраля 1918 г. первого высшего педагогического учебного заведения — Уральской высшей педагогической школы, с другой стороны, отсутствие профессиональных педагогов, отказавшихся сотрудничать с большевиками, неоднозначное отношение абитуриентов к новому учебному заведению, нестабильность политической обстановки на Урале сделали существование нового вуза недолгим. После отступления большевиков из Екатеринбурга 1 октября 1918 г. возобновил свою деятельность Учительский институт, функционирование которого в тяжелых условиях Гражданской войны прекратилось в 1919 г.

В то же время к моменту рождения Уральского государственного педагогического университета в регионе был накоплен огромный опыт подготовки учительских кадров, сформировано образовательное пространство, в котором на протяжении десятилетий складывались культурные нравственные и интеллектуальные предпосылки формирования школы высшего педагогического образования.

ИСТОЧНИКИ

1. ГАСО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 2.
2. ГАСО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 44.
3. ГАСО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 59.
4. ГАСО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 76.
5. ГАСО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 77.
6. ГАСО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 94.
7. ГАСО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 96.
8. ГАСО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 125.
9. ГАСО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 189.
10. Сборник указов и постановлений Временного правительства. — Пг., 1918. — Вып. 2. — Ч. 1.
11. Уральская историческая энциклопедия. — Екатеринбург, 2000.
12. Сборник декретов и постановлений Рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. — М., 1918. — Вып. 1.
13. Устав о службе по определению от правительства // Свод Законов Российской империи. — 1912. — Т. 3.

ЛИТЕРАТУРА

14. Балашов, Е. М. Школа в российском обществе 1917 — 1927 гг. Становление «нового человека» / Е. М. Балашов. — СПб., 2003.
15. Копылов, В. Е. Династия Ятесов / В. Е. Копылов // «Окрик памяти» (История Тюменского края глазами инженера). — Тюмень, 2002. — Кн. 3.

16. Смирнов, Н. Н. Государственный комитет по народному образованию : (История создания и деятельности) / Н. Н. Смирнов // Петроградская интеллигенция в 1917 г. : сб. ст. и материалов. — М. ; Л., 1990. — С. 4—19.
166. Кордо, Я. Г. Реформа народного образования в свободной России / Я. Г. Кордо. — М., 1917. — С. 5—7.
17. Вестник ТГПУ. — 2010. — Вып. 9.
18. Королев, Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики : 1917—1920 / Ф. Ф. Королев. — М., 1958.
19. Педагогическое образование. — 2011. — № 2.

М. К. Елисафенко, Б. М. Игошев, М. В. Попов

**Педагогическое образование на Урале
и деятельность Екатеринбургской
второй женской гимназии
(1908—1918 гг.)**

История образования в Уральском регионе привлекала внимание исследователей, однако в поле их зрения оказалась в основном общеобразовательная школа [см.: 1; 2; 13; 14; 16; 19].

Вопрос подготовки педагогических кадров рассматривался в общем контексте. Обращение к этой теме позволило прийти к выводу, что предтечей правильно организованного педагогического образования в Екатеринбурге была Первая екатеринбургская женская гимназия, точнее — восьмой педагогический класс, выпускавший учительниц для домашнего и начального обучения [см.: 15. С. 7].

Под влиянием позитивных социально-экономических сдвигов — расширения производства, роста рынка труда, урбанизации и т. д. — повысился спрос на работников умственного труда или обладающих качественной профессиональной подготовкой. Следствием объективных процессов общественного развития стал рост интереса к образованию.

К этому следует добавить изменение государственной политики в сфере просвещения. В мае 1908 г. по инициативе

премьер-министра России П. А. Столыпина Государственная дума приняла закон, предполагавший введение всеобщего обучения для детей с 8 до 12 лет. Школьная сеть в 1908—1914 гг. выросла в полтора раза. Это привело к значительному увеличению количества учителей, в том числе на Урале. В Екатеринбурге и уезде в 1905 г. в школах работало 405 преподавателей, а в 1915 г. — уже 629 учителей [17. С. 15].

Необходимо отметить еще один фактор расширения образовательных учреждений, дававших право преподавания, — феминизацию учительской профессии. Большинство учебных заведений содержалось на негосударственные средства, одним из способов снижения расходов на их содержание была экономия на заработной плате, поэтому учителя-женщины были предпочтительней (по крайней мере, в начальных учебных заведениях).

Например, начинающий преподаватель мужской гимназии в Екатеринбурге в начале XX в. получал жалованье в размере 650—750 руб. в год за 12 уроков в неделю. Преподавательница Екатеринбургской женской гимназии зарабатывала в то же самое время при такой же или даже большей недельной нагрузке от 240 до 690 руб. в год [21].

Успех развития школьной сети непосредственно зависел от ее обеспечения учительскими кадрами, однако решить эту проблему в условиях Среднего Урала было нелегко. В Екатеринбурге до 1908 г. специальная подготовка учителей велась в

двух восьмых (дополнительных) классах Первой женской гимназии, ежегодно выпускавших до пяти десятков молодых педагогов [15. С. 12]. Этого, конечно, было недостаточно, требовалось новое учебное заведение.

Рождение нового учебного заведения связано с именем Эвелины Карловны Федоровой (Яненц). Будучи педагогом, большую часть жизни она отдала семье, но, овдовев, решила посвятить себя любимому делу. Первоначально она планировала организовать прогимназию (первые три класса), а затем расширить ее. 30 апреля 1903 г. она подала городскому голове Екатеринбурга соответствующее прошение, а через несколько дней получила положительную резолюцию. 27 июня 1903 г. того же года Федорову назначили начальницей прогимназии [10. Л. 18 об.]. К августу прогимназия открылась в небольшом доме Бабушкина на Покровском проспекте (современная ул. Малышева).

В Екатеринбургской прогимназии каждый год прибавлялись классы. В 1908/09 уч. г. открылся восьмой, дополнительный класс, и прогимназия стала полноправной гимназией [3. Л. 2].

В конце 1909 г. в гимназии обучалась 341 ученица, из них 27 девушек посещало педагогический класс [3. Л. 40]. На 1 января 1913 г. здесь проходило обучение 365 учениц, из них в VIII классе — 34 гимназистки [6. Л. 31].

Увеличению количества воспитанниц мешало отсутствие в первые годы помещения, специально построенного для

гимназии. До 1913 г. Вторая женская гимназия располагалась в восьми комнатах в доме, где раньше находился пансион Алексеевского реального училища (сейчас это угол пр. Ленина и ул. Сакко и Ванцетти, здание хорового колледжа). Что касается восьмого класса, то для него пришлось снимать дополнительное помещение — бывшую квартиру, принадлежавшую директору реального училища [3. Л. 11].

В 1911 г. по инициативе Екатеринбургской городской думы началось строительство специального здания гимназии. Оно было возведено на пересечении Сибирского проспекта и Щепной площади (сейчас это здание Горного университета на ул. Куйбышева) и официально открыто 13 апреля 1913 г. Горожане сразу назвали гимназию «красной», так как она была построена из красного кирпича.

Гимназическое здание соответствовало всем санитарно-гигиеническим нормам, в нем располагались не только просторные классы, но и гимназический зал, библиотека, кабинет физики, лаборатории, класс для рисования, кабинет врача, столовая. Все помещения были снабжены электричеством и паровым отоплением.

Расширение площадей позволило увеличить прием учениц в гимназию. В начале 1914 г. во Второй Екатеринбургской женской гимназии обучалось 488 человек, при этом в первом, втором, третьем и четвертом классах было по две параллельные группы с сорока ученицами в каждой [6. Л. 31]. А к концу

1914 г. в гимназии обучалось уже 517 человек, при этом параллельные группы были во всех классах, с первого по шестой [8. Л. 16]. При педагогическом, восьмом классе была открыта образцовая начальная школа, где проходили педагогическую практику будущие учительницы.

Становилось больше и выпускниц педагогического класса. Если в конце 1909 г. учительские свидетельства были вручены 14 выпускницам, то в конце 1911 г. 22 гимназистки получили звания домашних учительниц, и 7 — домашних наставниц [3. Л. 40; 5. Л. 13]. В 1913 г. 13 выпускниц VIII класса были удостоены звания домашних наставниц, и 20 — домашних учительниц [6. Л. 32]. Из выпускниц восьмого класса в 1913 г. некоторые изъявили желание продолжить образование по следующим наукам: трое — по физико-математическим, двое — по историческим, одна — по юридическим, одна — по медицинским, двое — по архитектуре. Четырнадцать человек заявили о «желании перейти к практической деятельности» [Там же].

Поскольку право преподавать в начальных училищах имели не только выпускники педагогических классов, но и все прошедшие обучение в гимназии и достигшие 16 лет, увеличение общего количества обучающихся так же создавало предпосылки пополнения состава учительских кадров.

За обучение во Второй женской гимназии, как и в других, взималась плата. При этом уроженки Пермской губернии имели определенные льготы по сравнению с приезжими из

Екатеринбургские гимназистки

других регионов. Так, в 1909 г. за обучение в первом классе гимназии взималась плата в 25 руб. для выходцев из Пермской губернии и 35 руб. — для проживавших в остальных районах страны [3. Л. 9]. До 1911 г. размер оплаты не менялся, однако к 1913 г. плата за обучение в первом классе возросла до 40 руб. для жителей Пермской губернии и до 50 руб. для приезжих [6. Л. 34] Увеличение платы за право обучаться в эти годы произошло и во вторых-шестых классах гимназии. Однако для обучавшихся в восьмом, педагогическом классе стоимость обучения оставалась неизменной: 60 руб. для тех, чьи родители жили в Пермской губернии, и 70 руб. — для остальных [Там же].

Финансирование деятельности средних учебных заведений шло не только за счет поступлений в виде платы за обучение. Так, в 1909 г. из 26 820 руб., израсходованных Второй Екатеринбургской гимназией, деньги, взятые за обучение с учащихся, составляли лишь 9634 руб. (36 %); из средств государственного бюджета было выделено 1500 руб. (5,6 %), городской управой — 5210 руб. (19,5 %); деньги от губернских и уездных сборов составили 8520 руб. (31,8 %) [3. Л. 2; подсчи-

тано нами. — *авт.*]. Аналогичную картину мы наблюдаем и в последующие годы. В 1911 г. из израсходованных 26 694 руб. сборы за обучение составили 9758 руб. (36,5 %); из средств государственного казначейства поступило 2000 руб. (7,5 %); из городских сумм — 5912 руб. (22,1 %); 7915 руб. было выделено губернским и уездным земством (29,6 %) [5. Л. 6; подсчитано нами. — *авт.*].

Привлечение средств государственного бюджета, органов городского и земского самоуправления, а также благотворительных пожертвований позволяло попечительскому совету выделять деньги для бесплатного обучения во Второй женской гимназии значительному числу учениц. Например, в первом полугодии 1911 г. из 315 гимназисток за счет денег, выделенных попечительским советом, обучалось 90 человек [5. Л. 16], а в первом полугодии 1913 г. из 365 учениц было освобождено от платы 88 учащихся [6. Л. 35]. От оплаты обучения освобождали учащихся из малообеспеченных семей. Эта льгота распространялась на детей учителей народных училищ.

Большое значение для материальной поддержки нуждающихся гимназисток имела деятельность Общества вспомоществования гимназии и благотворительные взносы. В 1911 г. Общество вспомоществования Второй женской гимназии выделило средства для платы за обучение 40 ученицам в первом полугодии и 28 — во втором. Кроме того, в этом году были выделены деньги нуждавшимся на приобретение учебных по-

собий, одежды, обуви, лекарств, на обеспечение их бесплатными завтраками [5. Л. 16]. Подобного рода финансовая помощь осуществлялась Обществом в дореволюционный период ежегодно. Кроме того, за счет спонсорской помощи лучшим ученицам гимназии назначались именные стипендии: стипендия имени героя Русско-японской войны генерала Линевича, стипендия имени предпринимателя Н. С. Степанова, стипендия в память войны 1812 года и др. [Там же].

Как уже отмечалось, большое значение для улучшения материального положения гимназии, расширения ее финансирования имела деятельность попечительского совета этого учебного заведения. В период возведения здания гимназии в составе попечительского совета этим вопросом занималась строительная комиссия. В отличие от рубежа XIX—XX вв., во втором десятилетии XX в. в деятельности попечительских советов учебных заведений всё более активное участие стали принимать представители екатеринбургского бизнеса. Широкую материальную помощь Второй женской гимназии оказывали через попечительский совет торговый дом «Братья Степановы» и торговый дом А. Н. Первушиной. Длительное время во главе попечительского совета гимназии стоял известный екатеринбургский адвокат, друг писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка Николай Флегонтович Магницкий, а в 1914 г. почетным представителем попечительского совета стала вдова главы торгового дома «Братья Степановы» М. М. Степанова.

Общее руководство и руководство учебным процессом в учебном заведении осуществлял педагогический совет. В предвоенный период педагогический совет Второй женской гимназии возглавил директор Екатеринбургского училища, статский советник (с 1912 г. — действительный статский советник) Виктор Михайлович Гаврилов, которого сменил до конца существования гимназии (1918 г.) статский советник В. И. Кирцендель.

Начальницей гимназии, отвечавшей прежде всего за воспитательную работу, была Эвелина (Елена) Карловна Федорова, сыгравшая громадную роль в становлении и деятельности данного учебного заведения. Происходившая из семьи чиновника Е. К. Федорова (урожденная Янец) окончила в 1877 г. Александро-Мариинский девичий институт, получив звание домашней учительницы. Сначала она преподавала немецкий язык в Оренбургской женской гимназии, потом вышла замуж за директора Екатеринбургской мужской гимназии М. П. Федорова. С 1903 по 1917 г. (до своей смерти) она занимала пост начальницы Второй женской гимназии, проводила большую воспитательную работу среди гимназисток, при этом сама Елена Карловна родила и воспитала семерых детей [20].

В своей работе директор и начальница опирались на преподавательский состав учебного заведения, включавший в 1909 г., кроме них самих, двух законоучителей (преподавателей Закона Божьего), семнадцать преподавателей наук и языков, двух преподавателей искусств и преподавателя чистописа-

ния. У двух преподавателей было высшее образование, у 22 — среднее. Кроме того, помощь начальнице в воспитании гимназисток оказывали семь надзирательниц [3. Л. 36].

Вплоть до революции преподавательский состав Второй женской гимназии оставался практически неизменным. Почти весь рассматриваемый период преподавателем Закона Божьего был священник Е. А. Коровин, русский язык преподавала Е. Н. Удинцева, сестра писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, педагогике и латинскому языку обучала Н. Г. Зеранина и т. д. В 1916 г. в штат приняли вероучителя Римско-католической церкви ксендза И. П. Вилкаса, а число классных надзирательниц возросло до 13 [9. Л. 3].

Обязательными для изучения в гимназии были такие предметы, как Закон Божий, русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, физика, география, космография, история, естественная история, чистописание, рукоделие, пение, педагогика (в VIII классе). Кроме того, за дополнительную плату гимназистки могли изучать латинский, французский и немецкий языки, рисование, танцы.

Одной из распространенных форм внеклассной работы с воспитанницами Второй Екатеринбургской гимназии было проведение спектаклей и литературно-музыкальных утренников и вечеров. Например, в 1911 г. гимназистки провели пять литературных утренников, в том числе посвященные памяти М. В. Ломоносова, творчеству писателя Никитина, годовщине

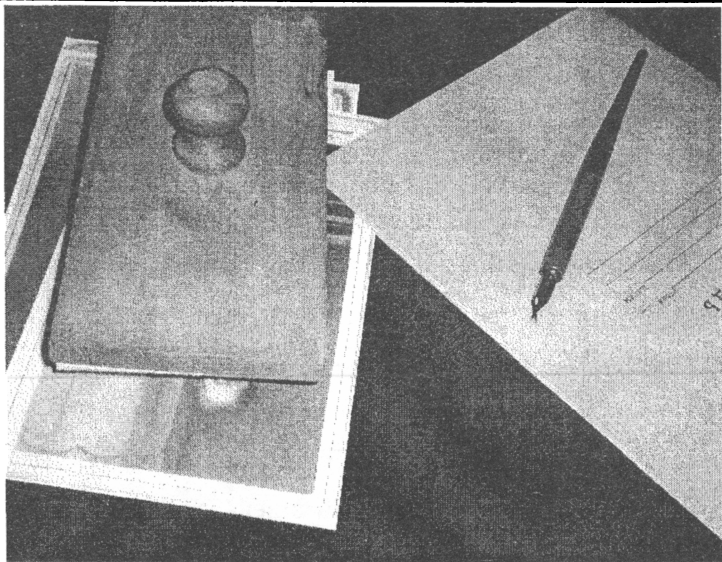
отмены крепостного права и т. д. Ученицы участвовали в постановке шести спектаклей, в том числе таких, как «Женитьба» Николая Васильевича Гоголя, «Веселые дни» и «В сельской школе» Клавдии Владимировны Лукашевич и др. [5. Л. 15].

Большой интерес у общественности города вызвал литературно-музыкальный вечер, проведенный 21 апреля 1914 г. в помещении Екатеринбургского общественного собрания учащимися Второй гимназии, сборы от которого пошли в фонд Общества вспомоществования этого учебного заведения. В первом отделении гимназистки показали комедию И. А. Крылова «Урок дочкам», во втором хор и вокалисты исполнили шестнадцать песен, третье отделение составили национальные танцы, в заключение было проведено феерическое костюмированное «шествие народов России» [4. Л. 13].

Среди других форм внеклассной работы в гимназии хотелось бы отметить проведение экскурсий. Например, в январе 1910 г. ученицы восьмого класса посетили физический кабинет мужской гимназии, чтобы увидеть беспроволочный телеграф, в феврале была организована экскурсия в обсерваторию, а в декабре старшеклассницы посетили мельницу, где ознакомились с мельничным производством. В конце 1910 — начале 1911 г. группа гимназисток отправилась в Санкт-Петербург, где ознакомились с историческими и архитектурными достопримечательностями города, посетила музеи, побывала на спектаклях в Александринском и Мариинском театрах, в Народном доме [4. Л. 11].

Длительное время сословный состав обучавшихся в гимназии оставался неизменным, сдвиги произошли благодаря государственной и общественной помощи нуждавшимся ученицам. В 1914 г. из 517 гимназисток 16 были детьми потомственных дворян, 67 — детьми личных дворян и чиновников, 204 — крестьян, 24 — почетных граждан и купцов первой гильдии, 177 — мещан, купцов второй гильдии и цеховых, 10 — священников, 16 — прочих [7. Л. 10]. Подсчеты показывают, что выходцы из привилегированных сословий составили 21 % учениц (в том числе из потомственных дворян — 2,1 %), а из семей рабочих, крестьян и торговцев — 73 %. Поскольку по Всероссийской переписи населения 1897 г. среди уральцев мещане, цеховые и крестьяне составили 94,2 %, а потомственные дворяне 0,2 % [18], ясно, что дворяне, чиновники и состоятельные купцы имели гораздо больше возможностей для обучения дочерей в средних учебных заведениях.

В отличие от Первой женской гимназии, Вторая не имела собственного пансиона, поэтому иногородние гимназистки проживали главным образом на частных квартирах. Так, из 69 иногородних гимназисток в 1913 г. на частных квартирах жило 56 человек. Кроме того, трое помещались в пансионе при Первой гимназии, семеро — в приюте при женском монастыре и Петровском приюте, три ученицы занимали общежитие для детей народных учителей и учительниц [6. Л. 26].

В предвоенные годы пополнялись книжные фонды библиотек Второй гимназии. Если на 1 января 1910 г. в фундаментальной библиотеке этого учебного заведения имелось 485 наименований книг в 1080 томах, а в ученической библиотеке — 1584 названия в 2532 томах [3. Л. 36], то на 1 января 1914 г. было уже 1065 книг в 2400 томах в фундаментальной и 2235 наименований в 3497 томах в ученической библиотеке [6. Л. 26].

Кабинеты гимназии были хорошо оборудованы. В физическом кабинете в 1914 г. было 134 прибора и инструментов на сумму 1587 руб., а в естественно-историческом кабинете — 247 предметов на сумму 252 руб. [Там же].

Следует отметить, что в первые годы мировой войны, несмотря на трудности военного времени, во Второй женской

гимназии количество учащихся не только не сократилось, но даже увеличилось. В конце 1916 г. здесь обучалось 634 ученицы [9. Л. 10]. В военные годы продолжали расти выпуски восьмого педагогического класса. Если в 1914 г. здесь было подготовлено 33 преподавательницы (из них 13 получили удостоверения учителей-наставниц и 21 — домашней учительницы), то в 1916 г. домашними учительницами стали 25 гимназисток, а домашними наставницами — 11 человек [9. Л. 13].

Большое значение подготовке учителей гимназией придавал попечитель Оренбургского учебного округа тайный советник А. Н. Деровицкий, который в декабре 1916 г. посетил пробные уроки по арифметике в VIII, педагогическом классе гимназии [9. Л. 20]. Характерно, что из 36 выпускниц дополнительного класса в 1916 г. 13 заявило о желании продолжить обучение и получить высшее образование. Шестеро из них стремились к педагогическому образованию. Шестнадцать посчитали необходимым перейти к практической деятельности, в первую очередь на ниве народного просвещения [9. Л. 13].

Финансирование гимназии в 1914—1916 гг. со стороны государства и органов городского и земского самоуправления оставалось на должном уровне. В 1916 г. из 65 156 руб., израсходованных на нужды гимназии, 5500 руб. было выделено государственным казначейством, 14 900 руб. — городской управой, 19 273 руб. — земством [9. Л. 16]. Это позволило в воен-

ные годы не повышать плату за обучение и сохранять контингент учениц, освобожденных от уплаты [8. Л. 6]. При этом надо учитывать значительный рост инфляции в годы войны: в номинальном выражении стоимость обучения одной гимназистки в 1915 г. составляла 67 руб., в 1916 г. — 88 руб. 50 коп., а плата за обучение сохранялась на довоенном уровне [9. Л. 16].

Однако война внесла коррективы в деятельность гимназии. С начала 1915 г. половина всех ее помещений была отдана для нужд военного времени: размещения воинских команд, госпиталя и т. д. [9. Л. 19] Изменения произошли и в воспитательной работе, педагоги стали уделять больше внимания патриотическому воспитанию гимназисток. В отчете гимназии за 1916 г. было отмечено: «Небывалая военная угроза, надвигавшаяся на Россию. Не могла не найти отражения в жизни гимназии. В беседах учебно-вспомогательного персонала с учащимися выясняется смысл небывалой войны, будилось в учащихся национальное самосознание, бодрость духа, вера в жизненные силы России и ее историческое призвание, ее мощь и ее роль в мировой войне, как защитнице права и правды» [9. Л. 4].

В 1916 г. среди учащихся гимназии проводились сборы на подарки для воинов действующей армии, а также организовывались платные литературно-музыкальные и вокальные вечера, выручка от которых отчислялась на те же нужды. С октяб-

ря 1916 г. при Второй женской гимназии было учреждено общество «Братской помощи» утратившим трудоспособность воинам. Средства «Общество» получало от преподавателей и гимназисток, делавших посильные ежемесячные взносы. С 22 марта 1916 г. при гимназии был открыт сбор пожертвований для детей убитых и изувеченных солдат и офицеров. На уроках рукоделия и дома ученицы шили белье для воинов действующей армии [9. Л. 5].

Влияние Февральской революции на деятельность Второй Екатеринбургской женской гимназии было неоднозначным. С одной стороны, именно с 1917 г. начались серьезные материальные трудности в жизни гимназии. В сентябре 1917 г. нехватка средств перед началом занятий заставила исполняющую обязанности начальницы М. А. Агафонову обратиться с просьбой об оказании помощи к торговому дому «Братья Степановы». Фирма выделила кредит на 5 тыс. руб. [12. Л. 11]. Напряженная политическая обстановка, народные волнения весной 1917 г. заставили попечительский совет гимназии принять решение о досрочном прекращении занятий — с 1 мая 1917 г. [11. Л. 11].

С другой стороны, после Февральской революции расширились демократические начала в жизни гимназии: были проведены выборы преподавателей на широкой демократической основе, активизировалась роль учительских общественных организаций и ученического коллектива в управлении. В ап-

реле 1917 г. организация учениц старших классов Второй Екатеринбургской женской гимназии обратилась к педагогическому совету с просьбой знакомить гимназисток с содержанием протоколов педсовета. И такое разрешение было дано [Там же].

После прихода к власти большевиков, в 1917/18 уч. г. гимназия продолжила свою деятельность. Несмотря на материальные трудности, руководство гимназии сохранило значительный контингент малообеспеченных гимназисток, освобожденных от оплаты обучения. В 1917/18 уч. г. до 30 % учениц во Второй женской гимназии обучалось бесплатно [12. Л. 9].

Однако в начале 1918 г. по договоренности с Екатеринбургской городской думой земские органы приняли решение переложить финансирование учебных заведений на органы городского самоуправления. Сама же Дума была распущена советской властью. В результате екатеринбургские гимназии фактически сняли с финансирования [12. Л. 7].

Комиссаром народного просвещения Екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов 25 апреля 1918 г. по н. ст. был издан приказ о прекращении занятий во Второй женской гимназии и переводе учащихся в следующие классы [12. Л. 51]. Педагогический персонал гимназии был уволен советской властью за «нежелание подвергаться переизбранию в советской комиссии» [12. Л. 52]. Это не означало, что гимназию закрыли: перестали выплачивать зарплату участвующему в саботаже персоналу. Новая власть освободила здание гимна-

зии от воинского постоя, в нем был произведен ремонт. В мае—июле 1918 г. в здании поселились семьи рабочих и слушатели Военной академии, эвакуированные из Петрограда. Здесь проходили занятия курсов землемеров и народного университета [12. Л. 56].

С приходом белых 25 июля 1918 г. в здании был размещен Ирбитский полк Сибирской армии. Возобновил работу педагогический совет Второй гимназии. Главой попечительского совета стал А. Д. Дианов, а исполняющей обязанности начальницы — О. Н. Москвина [12. Л. 57]. Однако все попытки возобновить нормальную работу учебного заведения наталкивались на отсутствие материальных средств и помощи со стороны белогвардейских правительств и Екатеринбургской городской думы. Трудно было организовать набор учениц из-за развернувшейся на территории Урала Гражданской войны.

Таким образом, Вторая Екатеринбургская женская гимназия, как и другие образовательные учреждения подобного типа, в 1908—1918 гг. была одним из важных каналов подготовки учительских кадров для общеобразовательных школ Урала. Во-первых, гимназистки, прошедшие обучение хотя бы в трех классах гимназии, с 16 лет имели право получить звание учительницы народного училища и пополнять ряды преподавателей начальных школ. Во-вторых, обучение в восьмом, дополнительном классе давало возможность получить специальное педагогическое образование. В первые годы мировой

войны, несмотря на тяготы военного времени, благодаря поддержке государства и органов местного самоуправления, расширению спонсорской помощи образовательным учреждениям со стороны предпринимателей, количество обучавшихся во Второй женской гимназии и выпускниц, получивших педагогическое образование, не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Однако с началом широкомасштабной Гражданской войны на Урале все попытки преподавательского коллектива сохранить Вторую женскую гимназию как образовательное учреждение закончились неудачей из-за жесткого гражданского противостояния и резкого ослабления государственных структур.

Литература

1. Аминова, Л. Я. Генезис женского образования в Башкирии (вторая половина XIX — начала XX века) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Аминова Лариса Яковлевна. — Уфа, 2005.
2. Беляев, С. Е. Музыкальное образование на Урале: два века истории : (XVIII — нач. XX в.) / С. Е. Беляев ; Свердлов. обл. б-ка для детей и юношества. — Екатеринбург, 1998.
3. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4.
4. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12.
5. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 19.
6. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 43.
7. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 56.
8. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 70.
9. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 82.
10. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 166.
11. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 247.
12. ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 257.

13. Диомидов, Н. Историческая записка о Екатеринбургской мужской гимназии (1861—1886) / Н. Диомидов. — Оренбург, [б.г.].
14. Егорова, М. В. Развитие системы среднего образования на Урале (1808 — февраль 1917 г.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / М. В. Егорова. — М., 2009.
15. Елисафенко, М. К. У истоков педагогического образования на Урале: 1871—1910 гг. / М. К. Елисафенко, Б. М. Игошев, М. В. Попов // Педагогическое образование в России. — 2011. — № 2. — С. 7—14.
16. Исторический очерк народного образования в Оренбургском учебном округе за первое 25-летие его существования (1875—1899). — Оренбург, 1901. — Вып. 2.
17. Очерки истории Уральского государственного педагогического университета. — Екатеринбург, 2001.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. — СПб., 1904. — Т. 31 : Пермская губерния.
19. Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Народное образование. — Екатеринбург, 1886.
20. Уездный город Екатеринбург. 1863—1917 [Электрон. ресурс] / Бухаркина О. А. Э. К. Федорова – основательница 2-й Екатеринбургской женской гимназии // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 2002. — С. 82—83. — URL: <http://www.m-i-e.ru/biblioteka/uezdnyigorodekaterinburg1863-1917gg/buharkina>.
21. Учителя-орденоносцы [Электрон. ресурс]. — URL: <http://upr.1september.ru>.

У. П. Ефремова

**Начальное образование
и преподавательские кадры
церковно-приходских школ
на Урале в конце XIX — начале XX в.**

Н а современном этапе в государственной политике и общественном мнении все заметнее тенденция к возрождению системы религиозного образования в общеобразовательных школах. Сторонники религиозного образования объясняют это необходимостью формирования духовно-нравственной культуры российской молодежи. Они полагают, что участие Церкви в духовном воспитании учащихся общеобразовательных школ не только повысит уровень духовно-нравственной культуры российского общества и обеспечит толерантное отношение к другим конфессиям, но и станет опорным пунктом в воспитании у подрастающего поколения уважения к взрослым, патриотизма и духовности. Из этого делается вывод, что преподавать школьные предметы, связанные с духовно-нравственным воспитанием, должны священнослужители, как лица наиболее компетентные в данном вопросе. В то же время имеются противники описанной точки зрения, говорящие о недопустимости участия Церкви в деятельности общеобразовательной школы. По их мнению, это нарушает законодательный прин-

цип светского характера образования. Противники преподавания Закона Божьего в школе также обращают внимание на то, что в России существует множество религиозных конфессий, для которых изучение христианской религии является запретным. К сторонникам первой точки зрения относятся не только представители Церкви, но и часть педагогического сообщества. При этом они ссылаются в том числе на исторический опыт развития системы отечественного просвещения в дореволюционный период конца XIX — начала XX в.

Взлет церковно-приходского образования в 1880-х гг. был связан с рядом реформ обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева, по инициативе которого 13 июня 1884 г. были приняты «Правила о церковно-приходских школах», нацеленные на расширение сети церковных школ в России, в том числе и на Урале. Школы создавались для того, чтобы «утвердить в народе православное учение веры и осуществить получение первоначального знания» [30. С. 73]. Названные Правила были утверждены указом Александра III и гласили, что церковно-приходскими школами именуются начальные училища, открываемые православным духовенством. Данные школы имели цель «утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской» и сообщать «первоначальные полезные знания» [2. Л. 6—12; 20. С. 52—54].

По мнению уральских историков Д. В. Гаврилова и А. М. Сафроновой [28. С. 52], расширение сети церковно-при-

ходских школ в конце XIX в. в уральских губерниях проходило в два этапа. Первый охватывает вторую половину 1880-х — начало 1890-х гг.; это период «контрреформ», инициатором которых был обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев. В это время основное внимание правительства было направлено на открытие церковно-приходских школ на селе, в первую очередь для утверждения «религиозно-нравственных понятий» в широких слоях крестьянства. Второй этап охватывает вторую половину 1890-х гг.: в эти годы перед церковно-приходскими школами правительством ставилась задача подъема общей грамотности населения. Это сопровождалось увеличением численности церковно-приходских школ по сравнению с начальными учебными заведениями других типов. [23. С. 81—89]. В соответствии с императорским указом в 1884—1889-е гг. в Пермской епархии было открыто 176 церковно-приходских школ, в 1890—1900 гг. — 332 школы, в Екатеринбургской епархии к середине 1890-х гг. открылось 117 церковно-приходских учебных заведений, к 1900 г. их число увеличилось до 162, в Уфимской епархии в 1884 г. таких школ насчитывалось 73, к 1900 г. — уже 240 [22. С. 42—47]. В своих действиях правительство и Церковь опирались на инициативу местных священников и прихожан. Подобные факты были типичны и для Урала. Например, в Екатеринбургском уезде в деревне Мельниковой в 1885—1889 гг. по инициативе священника Корелина открылась церковно-приходская школа.

Летом 1895 г. он организовал крестьянский сход, на котором было принято решение собрать с каждого налогоплательщика по 50 коп. на строительство «часовни-школы». Таким образом, с 248-ми налогоплательщиков было собрано 124 руб. Дополнительные деньги взяли из средств, принадлежавших общине («мирского капитала» — 35 руб.), от продажи хлеба (50 руб.), еще 90 руб. составили пожертвования верующих на строительство школы. Всего за лето 1895 г. таким образом собрали 300 руб. на строительство «часовни-школы». В этом же году в селе Темном, относящемся к ведению Екатеринбургского уезда, на создание школы жители добровольно сдавали по 6 руб. 90 коп.; от учителей, заинтересованных в строительстве здания для школы, поступило 42 руб. [15. С. 2—10]. В селах Сергиевское, Чигировское и Гаварлиевское Чердынского уезда в 1898 г. священнослужители выступили с инициативой открытия школ при церквях для обучения грамоте крестьян. Большую помощь в финансировании школ оказывали земские учреждения: в 1891 г. Златоустовская земская управа Уфимской губернии взяла на содержание четыре церковно-приходские школы своего уезда [17. Л. 5].

Поскольку средств, выделяемых на создание церковно-приходских школ, явно не хватало [3. Л. 1—4], практиковались так называемые кружечные сборы, проводившиеся в церквях по предписанию Священного синода для изыскания средств на церковно-приходские школы. Устраивались кру-

жечные сборы раз в год, в день праздника Рождества Христова или Богоявления (Крещения Господня). Собранные деньги отчислялись в епархиальный училищный совет, откуда распределялись по всем школам епархии и расходовались на содержание церковно-приходских школ, в том числе на оплату труда учителей. Решение о проведении кружечных сборов обозначено в циркулярном указе Священного синода от 25 октября 1886 г. [8. Л. 5—6]. В соответствии с циркуляром такие «кружечные сборы» устраивались в различных регионах Урала, например в 1897 г. в Соликамском уезде во всех церквях выставляли специальную кружку для сбора пожертвований на строительство церковно-приходских школ, которую держал ученик находившейся при церкви или соседней школы [9. Л. 19; 8. Л. 5—6].

В церковно-приходских школах обучали грамоте и чтению церковных и светских книг, прежде всего неграмотных крестьян. К церковным книгам относили Священное Писание, жития святых, молитвословы, Псалтырь и другие богослужебные сочинения. В программу обучения также входили произведения светской литературы: басни И. А. Крылова, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина и др. [7. Л. 2—13].

Управление школами на территории епархии находилось в ведении Святейшего синода, его уездных отделений, училищных советов при нем, епархиальных училищных советов.

Непосредственное руководство и заведование школой осуществлялось архиереями и приходскими священниками, которые, как правило, были и законоучителями в школе. Заведующий-законоучитель школы должен был преподавать Закон Божий, следить за работой светских учителей, поведением учащихся и их религиозно-нравственным развитием. Преподавали в таких школах священники и учителя, делившиеся на духовных и светских педагогов. Духовными учителями были лица, которые получили высшее или низшее духовное образование, дающее право преподавать Закон Божий, церковное пение, старославянскую грамоту, обучать молитвам и другим религиозным предметам. Светские педагоги обучали азам грамоты: письму, началам арифметики, чистописанию, русскому языку.

До середины 80-х гг. XIX в. учителем по всем предметам в церковно-приходской школе мог являться лишь священнослужитель. С появлением «Положения о церковно-приходских школах от 13 июня 1884 г.» ситуация изменилась. Пункт десятый указанного документа расширил круг людей, обладающих правом преподавать в учебных заведениях данного типа: «Обучение в церковно-приходских школах производят местные священники или другие, по соглашению, члены причта, а равно особо назначаемые для того, с утверждения Епархиального архиерея, учителя и учительницы, под наблюдением священника» [28. С. 15].

В то же время, согласно правилам, религиозные предметы, такие как Закон Божий, Священная история Ветхого и Нового заветов, молитвы, учение о богослужении, проскомидии, литургии, Катехизис, устав православной церкви, виды церковных служб и их проведение, общие священнодействия при богослужении, церковное пение, церковно-славянская грамота, должны были преподавать лица, получившие духовное образование в семинарии, академии или окончившие курс духовного училища. Об этом свидетельствуют пункты одиннадцатый и двенадцатый Правил о церковно-приходских школах 1884 г., разъясняющие, что наставление в правилах веры и преподавание Закона Божия относится к прямой обязанности священника. Если в составе причта есть дьякон, то преподавание Закона Божия может быть предоставлено и ему. В особых случаях, с разрешения епархиального архиерея, преподавание Закона Божия могли поручить члену клира или «благонадежному» учителю из лиц, не входивших в клир.

Учительские должности в церковно-приходских школах замещались преимущественно лицами, получившими образование в духовных учебных заведениях и женских училищах духовного ведомства. Так, в «Отчете о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Екатеринбургской Епархии за 1894—1895 учебный год» говорится, что в церковно-приходских школах Екатеринбургской епархии преподают 105 законоучителей, из них имеющих полное академическое

образование — трое, окончивших курс духовной семинарии — шестьдесят два, не окончивших это учебное заведение — двадцать два. При характеристике преподавательских кадров отмечалось, что девять человек были воспитанниками духовного училища, шестеро не окончили обучение в духовных училищах, двое духовных наставников имели дипломы об окончании уездного училища, а у одного было домашнее образование. Тем не менее, несмотря на разный уровень образования, все они стояли во главе церковно-приходских школ и преподавали Закон Божий, а этот предмет считался одним из главных в подобных школах. Кроме того, духовные наставники могли носить сан священника или дьякона и преподавать религиозные предметы.

С распространением церковно-приходского образования росла потребность в педагогических кадрах. Так, в 1883 г. в Пермской губернии было около 70 церковно-приходских школ, в 1884—1889 гг. — 176, в 1890—1898 гг. — 332, а к 1898—1900 гг. — 372 [20. С. 25—63]. Таким образом, за 17 лет количество церковных школ в Пермской губернии увеличилось в 4,5 раза. При таких темпах роста особенно остро ощущалась нехватка педагогических кадров, из-за чего один священнослужитель мог совмещать преподавание сразу в нескольких церковных училищах или занимал несколько должностей в одной школе. Например, в Красноуфимском уезде в 1889 г. в связи с недостатком педагогических кадров в церков-

ных училищах священники разъезжали по разным селениям, уездам, в которых действовали школы [22. С. 25—63; 19. Л. 100. С. 42]. Недостаток времени у священников на преподавание, а также низкий уровень общеобразовательной подготовки учителей приводили к тому, что качество преподавания в церковно-приходских школах было достаточно низким. С 1884 г. дисциплины общеобразовательного цикла получили право преподавать, наряду с духовными наставниками, учителя, не имеющие духовного сана. Пункт тринадцатый Правил о церковно-приходских школах гласил, что преподаватели церковно-приходских школ из светских лиц, имеющие звание учителя начального народного училища, пользуются всеми правами, этому «званию предоставленными». То есть они могли преподавать в церковно-приходской школе, но только предметы общеобразовательного характера. В то же время в документе отмечалось, что учителю, преподающему светские дисциплины, необходимо быть «духовно развитым» в церковном понимании.

Низким оставался уровень подготовки преподавателей общеобразовательных предметов. Особенно это касается учителей сельских школ отдаленных регионов. В 1904—5 гг. в Шадринском уезде из 51 учителя, преподававшего в церковных школах, 22 имели «свидетельства на звание учителя» [10. Л. 2], а 29 педагогов вообще не имели документа, подтверждающего профессиональную квалификацию [11. Л. 10—13]. Такая же

ситуация была и в Кунгурском уезде, где из 62 учителей свидетельство на преподавание в народной или церковной школе имело только 16 человек [13. Л. 6—8]. Недостаточно высокий уровень подготовки учителей подтверждают Ведомости церковных школ Екатеринбургской епархии [15. С. 35—40] и сведения о начальной школе Пермской губернии за 1909—1914 гг. [4. Л. 15, 23—38; Л. 40—44].

Низкий уровень образования учителей объяснялся тем, что число светских учебных заведений, готовивших учительские кадры для церковных школ, было невелико, соответственно их выпуски не могли покрыть дефицит в преподавательских кадрах. К числу учреждений, готовивших учителей, в том числе для духовных школ, относились учительские институты и семинарии. К 1 января 1911 г. учительских институтов по всей России насчитывалось около 17, в них обучалось 1 225 учащихся, ежегодно подготавливалось около 250 учителей. Учительских семинарий по России действовало 94, в них обучалось 8 922 человека, ежегодный выпуск составлял 1 780 человек. В Пермской губернии женская учительская семинария была открыта лишь в 1909 г. в Перми, а в Екатеринбурге учительский институт начал функционировать лишь с 1912 г. Однако немногие выпускники институтов и семинарий шли на работу в церковно-приходские школы [24. С. 5—20; 19. Л. 100].

Для подготовки учителей начальных школ церковного ведомства К. П. Победоносцевым был разработан проект уст-

ройства в каждом уезде второклассных церковно-приходских школ с учительскими курсами. Второклассная церковно-приходская школа предназначалась для подготовки учащихся к преподавательской деятельности и состояла из первого и второго класса двухклассной школы и учительского курса. Для прохождения учительского курса привлекались не все ученики, а только те, которые в процессе обучения проявляли склонность к работе в качестве учителя. При этом учителями могли стать как мужчины, так и женщины, в самих же школах обучение было раздельным. В июне 1889 г. решением Пермского епархиального училищного совета были созданы мужская и женская школы для подготовки учителей [6. Л. 3]. Большую роль в подготовке педагогических кадров играли духовные семинарии и женские епархиальные училища, выпускавшие около четверти учителей и учительниц церковных школ. Следует отметить, что учителя общеобразовательных предметов воспитывались в религиозной среде — обучались в церковных учительских школах, заканчивали приходские гимназии, духовные семинарии либо были родственниками дьяконов и священнослужителей. Из Постановления епархиального училищного совета Пермской губернии от 2 сентября 1891 г. видно, что для распространения грамотности и религиозного знания в церковные школы принимались учителя, окончившие курсы в училищах, «благонравные» девочки, а также жены и родственницы церковных служителей. В цер-

ковно-приходской школе Ирбитского района Екатеринбургской епархии в 1892 г. заведующим школой и законоучителем был священник Иоанн Казанский, а учителями светских предметов — А. А. Сыркова, дочь крестьянина, и Е. М. Скороштылева, дочь мещанина. В Иваницкой церковной школе Ирбитского уезда в 1894 г. законоучителем был священник Аркадий Лемев, учительницей — дочь мещанина К. А. Шипицина. В Кунгурском уезде из 51 педагога 19 относились к крестьянскому сословию, 22 — к сословию мещан, и 10 человек являлись родственниками священнослужителей [14. Л. 7].

Руководство епархии заботилось о подборе и подготовке преподавательских кадров церковно-приходских школ. По постановлению епархиального училищного совета в Пермской губернии священнослужители должны были отбирать юношей, окончивших церковно-приходские школы [1. Л. 103; 2. Л. 6—12], и направлять их на педагогическую службу для распространения грамотности и религиозных знаний среди населения. Отчеты за 1901—1903 гг., помещенные в школьных листах начальных приходских школ, показывают, что светские предметы в начальных церковных учебных заведениях преподавали преимущественно дети крестьян и мещан, получившие специализированное образование [2. Л. 6, 10, 12].

Поскольку наряду со священнослужителями в 1890-х гг. в церковно-приходских школах к педагогической деятельности стали привлекаться светские преподаватели, произошли изме-

нения в педагогической нагрузке священнослужителей. Священники начали заниматься только духовным воспитанием детей, обучали их Закону Божьему, катехизису, церковному пению, старославянскому языку и другим религиозным предметам. Преподавание светских предметов полностью возлагалось на педагогов-мирян.

Большое значение для обеспечения церковно-приходских школ учительскими кадрами имело Высочайшее повеление от 26 ноября 1888 г., предоставлявшее право проводить испытания и выдавать свидетельства на звание учителей и учительниц данного типа школ правлениям духовных семинарий и училищ, а также советам епархиальных училищ. Были составлены «Правила для производства испытаний по духовному ведомству на звания учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы». В соответствии с ними, педагоги, претендовавшие на звание учителя, должны были сдавать экзамены.

К 1906 г. по всей России из учителей, работавших в двухклассных церковно-приходских школах, 92,4 % получили образование в духовных семинариях, духовных училищах и учительских церковно-приходских школах, а из работавших в одноклассных школах такое образование было у 82,8 % преподавателей, не считая имевших право преподавать членов причта [25. С. 5—20]. Работники без специального образования были учительскими помощниками. Некоторые из них после

продолжительной службы под руководством священника приобретали значительный опыт и умение вести учительское дело.

Важным средством повышения квалификации учителей и учительниц церковных школ были педагогические курсы и учительские съезды. Они проводились в форме краткосрочных семинаров во время школьных летних каникул, что позволяло не нарушать учебно-воспитательный процесс. Существовали курсы разного уровня: как в масштабах страны, так и в епархиях и уездах. Они делились на общие и тематические. Продолжительность съездов тоже была различной и зависела от решаемых задач и финансирования со стороны епархиального училищного совета. На курсах проводились лекционные и практические занятия. Преподавателями на курсах работали опытные педагоги, которые знакомили учителей с новейшими методами и приемами обучения, давали советы по наилучшей постановке школьного дела. Примером является съезд учителей в селе Кудымкар Соликамского уезда в 1892 г. Целью съезда было ознакомление учителей с более рациональными методами преподавания. Проведенная накануне священником Яковым Шестаковым инспекция школ установила, что учителя слабо знакомы с методикой преподавания. Поэтому на съезде их знакомили с новыми приемами и способами обучения по всем предметам учебной программы церковно-приходских школ [12]. Кроме того, учителям давали новые знания по

тем дисциплинам, которые они ранее не изучали, например в Кудымкаре объяснили, что такое глобус и как с ним работать, что такое термометр, барометр и т. д. Обычно затраты на педагогические курсы оплачивались из средств епархиального училищного совета, но в ряде случаев преподаватели работали со слушателями безвозмездно.

Заработная плата учителей церковно-приходских школ была низкой. Статистические данные, содержащиеся в школьных листах церковно-приходских школ Ирбитского, Екатеринбургского, Оренбургского, Уфимского и других уездов за 1895 г., свидетельствуют, что в ряде случаев учителя в церковных школах не получали систематических выплат за свой труд. К таким относились учителя — члены причта и начинающие службу учительские помощники. Однако, не получая регулярного жалования, они могли рассчитывать на единовременные пособия и награды из остатков средств, поступавших в адрес церковно-приходской школы [З. Л. 47—49.].

Оплата труда учителей церковно-приходских школ зависела от уровня их образованности и места расположения школ, в первую очередь от того, находились они в городах или в сельской местности. В городах плата была выше, так как в попечительские советы школ входили более состоятельные лица, нежели на селе, да и церковные приходы были больше.

Историк О. В. Осипов, изучив материалы Оренбургской губернии по переписи начальных школ 1911 г., установил, что

заработная плата учителей Оренбургской губернии была низкой. Самыми низкооплачиваемыми преподавателями были учителя школ грамоты, казачьих и церковно-приходских школ, что объясняется постоянными проблемами с материальным обеспечением сельских церковных приходов и низким уровнем доходов населения Оренбургской губернии. О. В. Осипов считает, что заработная плата учителей церковных школ в Оренбургской губернии, колебавшаяся от 120 до 360 руб. в год, зависела от места преподавания, проблем с материальным обеспечением сельских церковных приходов, а также от низкого уровня обеспеченности населения. Так, по подсчетам О. В. Осипова, содержание учителя в Оренбургской деревне обходилось минимум в 72 руб. в год, дополнительная сумма требовалась для вторичных нужд (белье, одежда, обувь, аренда жилья). То же самое было характерно для Пермской губернии: в материалах школьных листов Ирбитской начальной церковной школы 1913 г. [2. Л. 48] указывается, что заработная плата священника-законоучителя с одиннадцатилетним стажем работы составляла 130 руб. в год, а заработная плата учителя с восьмилетним стажем колебалась от 130 до 360 руб. в год (ГАСО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 1. Л. 12), причем жалование в 360 руб. в год было скорее исключением, чем правилом. По данным Отчета о состоянии церковных школ Шадринского уезда за 1904/05 уч. г., учителя получали от 120 до 300 руб. в год [10. Л. 6 об., Л. 10.]. В ряде случаев сельские священни-

ки выполняли учительскую работу безвозмездно, считая это своим нравственным долгом.

Священник Оренбургской епархии В. Покровский сообщает, что светские учителя, работавшие в церковно-приходских школах, получали жалованье в соответствии со своим образовательным уровнем. Например, педагог, окончивший высшие курсы, курс духовной или учительской семинарий, мог зарабатывать 300 руб. в год, учителя, получившие образование в женских институтах, епархиальных училищах или гимназиях, могли рассчитывать на 180 руб. в год, а обучавшиеся в прогимназиях, а также имевшие звание учителя получали около 120 руб. в год [26. С. 55—56].

Заработная плата была невысока по сравнению с существующими ценами на продукты первой необходимости и остальными расходами (покупка одежды, обуви, учебной литературы, книг для преподавания и т. д.). Если разделить годовой заработок учителя на двенадцать месяцев, получится, что учитель получал от 6 до 30 руб. в месяц. При этом очень часто учителям приходилось снимать комнаты для проживания, что ухудшало их материальное положение. Так, например, оренбургский учитель М. Ганин в письмах родителям 1890-х гг. с обидой отмечал, что «без отдыха напряженно работаешь семь месяцев в году, а вместо благодарности слышишь, что заработанных 120 рублей не заслужил. А из этих 120 рублей 30—35 уходит на пищу и квартиру. Из этого же жалования

нужно справить себе приличную одежду, нужно купить себе необходимые методические пособия и дать денег в помощь родителям или ученикам» [16. Л. 3—4].

Тяжелое материальное положение провоцировало текучесть кадров в церковных школах, что тоже отрицательно сказывалось на учебном процессе. По подсчетам О. В. Осипова, в Оренбургской губернии среди педагогов, проработавших в школе от пяти лет, текучесть кадров составляла 15 %, от 2 до 4 лет — 25 %, один год — 20 %, менее года — 40 % [25].

В то же время тем, кто преподавал в церковно-приходских школах, государством и Церковью предоставлялись определенные льготы: ежегодный отпуск на период летних школьных каникул, освобождение учителей, имевших свидетельство о звании учителя, от несения военной службы в мирное время и от зачисления в запас [29. С. 91—94]. Еще одна льгота, установленная решением Синода от 12 сентября 1895 г., освобождала детей законоучителей-священников и учителей церковно-приходских школ от платы за обучение в гимназиях и прогимназиях, второклассных церковно-приходских, а также церковно-учительских школах [25. С. 15]. Обязательным условием этой привилегии являлся десятилетний стаж работы родителей обучаемых в церковно-приходских школах.

Таким образом, церковные школы были обеспечены педагогическими кадрами, преданными своему делу и беззаветно любящими детей. Однако образовательный уровень учите-

лей был довольно низким. В школах, наряду с квалифицированными педагогами, часто работали учителя с низким общеобразовательным уровнем и без специального педагогического образования, что не могло не сказаться отрицательно на качестве преподавания и обучения детей грамоте. Постоянная текучесть кадрового состава школ также отрицательно влияла на учебный процесс и качество образования, получаемого учениками в заведениях этого рода.

В то же время учителя в церковно-приходских учебных заведениях не только преподавали азы грамоты, но и являлись воспитателями душ человеческих, так как одной из задач церковной школы было «утвердить в народе религиозные и нравственные понятия», научить крестьянских детей «слову господнему, наставлять их на веру и в добрых делах». Церковно-приходские школы достаточно активно распространяли религиозные знания среди населения, воспитывали высоконравственное отношение к Церкви и нормам христианской жизни. Определенную роль здесь играло то, что до преподавания религиозных предметов допускались лица, имеющие духовное образование, нередко священнослужители. Это положительно сказывалось на духовно-нравственной культуре населения Урала.

ИСТОЧНИКИ

1. ГАСО. — Ф. 612. — Оп. 2. — Д. 9.
2. ГАСО. — Ф. 735. — Оп. 1. — Д. 1.

3. ГАПК. — Ф. 147. — Оп. 1. — Д. 49. — Л.1.
4. ГАПК. — Ф. 147. — Оп. 1. — Д. 67.
5. ГАПК. — Ф. 147. — Оп. 1. — Д. 81.
6. ГАПК. — Ф. 147. — Оп. 1. — Д. 333.
7. ГАПК. — Ф. 147. — Оп. 1. — Д. 427.
8. ГАПК. — Ф. 147. — Оп. 1. — Д. 464.
9. ГАПК. — Ф. 147. — Оп. 1. — Д. 468.
10. ГАШ. — Ф. И—492. Оп. 1. — Д. 1970.
11. ГАШ. — Ф. И—492. Оп. 1. — Д. 1974.
12. Извлечение из отчета о занятиях съезда учителей церковно-приходских и школ грамоты, бывшего в селе Кудымкар, 3-его Благочинского округа Соликамского уезда с 13 — 20 июня 1892 г. Екатеринбург.
13. КГА. — Ф. 535. Оп. 1. — Д. 1.
14. КГА. — Ф. 535. Оп. 1. — Д. 7.
15. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Екатеринбургской Епархии за 1894/5 учебный год. Приложение к официальному отделу Екатеринбургских Епархиальных Ведомостей. — Екатеринбург, 1896.
16. РГИА. — Ф. 813. Оп.1. — Д. 32.
17. РГИА. — Ф. 2187. Оп.27. — Д. 1865.
18. РГИА. — Ф. 796. Оп.169. — Д.859.
19. РГИА. — Ф. 796. Оп.442. — Д.2427.
20. Список церковноприходских школ и школьные грамоты с показанием их местонахождения, времени открытия, числе учащихся, заведующих, законоучителей и учительниц и средством создания школы. — Екатеринбург, 1894.
21. Статистические сведения о народном образовании в Красноуфимском уезде Пермской губернии. — Пермь, 1889.
22. Статистические сведения о церковно-приходских школах Российской Империи (со времени издания высочайшего утверждения 13 июня 1884 г. правил о школах церковно-приходских). — Спб., 1909.

ЛИТЕРАТУРА

23. Гаврилов, Д. В. Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX в. (1885-1900 гг.) / Д. В. Гаврилов // Уральский исторический вестник. — 1995. — № 2.
24. Однодневная переписка начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года // Русская школа. — 1912. — № 10. — С. 58—59.
25. Осипов, О. В. Преподавательский состав церковно-приходской школы Оренбургской Епархии в конце XIX — начале XX века [Электрон. ресурс] / О. В. Осипов. — URL: http://www.lib.csu.ru/vch/1/2003_01/006.pdf. — (дата обращения: 06.12.2010).
26. Покровский, В. Десятилетие (1885—1895) церковно-приходские школы Оренбургской епархии : историко-статистический очерк / В. Покровский. — Оренбург, 1896.
27. Сафронова, А. М. Сельская школа на Урале в XVIII—XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян / А. М. Сафронова. — Екатеринбург, 2002.
28. Сумароков, П. Сборник правил, законоположений и распоряжений Святейшего синода о церковно-приходских школах и школах грамоты, с присоединением программы учебных предметов для церковно-приходской школы / П. Сумароков. — Вятка, 1892.
29. Устав о воинской повинности от 1 января 1874 г. // Хрестоматия по истории СССР (1861—1917) / под ред. В. Г. Тюкавкина. — М., 1990.
30. Хрестоматия по истории педагогики. — М., 1936. — Т. 1.

И. А. Бахтина, Б. М. Игошев, М. В. Попов

**Педагогическое образование
в Екатеринбурге — Свердловске
в 1920-е гг.**

Педагогическое образование в Екатеринбурге прошло длительный этап становления начиная с конца XIX столетия [22]. Исторические работы, посвященные развитию образования в Уральском регионе, не могли не коснуться подготовки учительских кадров в первые десятилетия советской власти [21; 25]. Подготовка кадров преподавателей общеобразовательных школ в 1920-е гг. всесторонне исследовалась М. В. Суворовым, который занимался историей уральского учительства [25]. Однако, занимаясь указанной проблемой, авторы фокусировали внимание на различных курсах, а деятельность стационарных педагогических заведений в Екатеринбурге — Свердловске подробному анализу не подвергалась. Развитию системы подготовки кадров для педагогических вузов и средней школы на Урале посвящена кандидатская диссертация Э. Н. Анашкина [19]. Однако деятельность свердловских педагогических заведений в его труде не освещена.

В настоящем очерке исследуется деятельность педагогических заведений города в десятилетие, непосредственно предшествующее открытию Свердловского педагогического

института, показана преемственность решения проблемы подготовки учительских кадров в дореволюционный и советский периоды.

Изменения, произошедшие на Урале в сфере педагогического образования, обусловило восстановление во второй половине 1919 г. в этом регионе советской власти. Еще в конце 1917 г. советской властью началась ликвидация разноминистерственного управления образованием, присущего дореволюционной России. Завершающим шагом Советского государства по централизации учебных заведений было принятие 5 июня 1918 г. декрета Совнаркома «О передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств» [14]. Вместо ликвидированной разноминистерственной подчиненности дореволюционной школы осенью 1918 г. была учреждена система трудовой школы с двумя ступенями: а) школы I ступени для детей от 8 до 12 лет, содержащие четыре возрастные группы учащихся; б) школы II ступени для детей от 12 до 17 лет, содержащие пять возрастных групп. Постановление от 5 июня 1918 г. потребовало значительного увеличения финансирования школ за счет государственного бюджета. С восстановлением советской власти на Урале большевистское руководство за счет средств госбюджета сумело в 1919/20 уч. г. содержать в Уральском регионе школьную сеть, превышающую сеть народных училищ до начала Первой мировой войны: на терри-

тории, которая позднее вошла в состав Уральской области (сейчас это территории Пермского края, Свердловской, Курганской, Тюменской, Челябинской областей, а также отдельные районы Удмуртии и Омской области), в 1920 г. действовало 5025 школ I ступени, в которых обучалось 445,3 тыс. человек; в 200 школах II ступени занималось 25 тыс. учащихся [26. С. 52].

Поскольку количество школ и учащихся было большим, чем в довоенный период, потребовалось не только восстановить, но и расширить систему педагогического образования в Екатеринбурге. В то же время большевистское руководство не отказалось от идеи создания в Екатеринбурге учреждения высшего образования, готовящего педагогические кадры. Как известно, в 1918 г. здесь была открыта Уральская высшая педагогическая школа для подготовки учителей средних учебных заведений, прекратившая деятельность из-за Гражданской войны [23. С. 28].

В продолжение политики формирования системы высшего образования на Урале советское руководство осенью 1920 г. открыло в Екатеринбурге Уральский государственный университет [20. С. 180]. В конце 1920 г. в составе университета начал работать педагогический институт, в котором обучался 201 студент [Там же]. Однако вскоре большую часть студентов института перевели для обучения в Пермский университет. К 1922 г. педагогический факультет функционировал лишь

в составе естественно-географического отделения УрГУ: на первом курсе здесь обучалось всего 16 студентов, а на втором — 14 [15. С. 94]. Здание педфака располагалось на ул. Декабристов, в доме 2. Там размещались также кафедра общественных наук университета, кабинеты зоологии и ботаники. Деканом педфака был профессор Евгений Николаевич Медынский [Там же].

Из-за финансовых трудностей в 1922 г. педагогический факультет был закрыт, так и не подготовив ни одного выпускника. В связи с разрухой и голодом 1921—1922 гг. началось сокращение и школьной сети на Урале: на территории, вошедшей в 1923 г. в Уральскую область, сеть начальных школ в 1922/23 уч. г. сократилась на 34 %, а число учащихся — на 42 % по сравнению с 1921/22 уч. г. (подсчитано по: [11]). Школьная сеть достигла дореволюционного уровня лишь в 1930-е гг.

Таким образом, руководство страны в начале 1920-х гг., породив у населения надежду дать образование детям за счет государства, не смогло воплотить свои намерения в жизнь. Государственный бюджет оказался не в состоянии «тащить воз» под названием «система просвещения». Это привело к закрытию гуманитарных факультетов Уральского университета. Оставшиеся технические факультеты в мае 1925 г. были объединены в новом высшем учебном заведении, Уральском политехническом институте (УПИ). Финансирование школ осенью

1921 г. было передано местным бюджетам. В сложившейся ситуации в 1920-е гг. центром педагогического образования в Екатеринбурге становится педагогический техникум. В этот период Екатеринбург (с 1924 г. — Свердловск) перестал быть уездным городом: с лета 1924 г. он является центром Екатеринбургской губернии, а с образованием Уральской области осенью 1923 г. — областным центром всего Уральского региона.

Свердловский педагогический техникум начал свою деятельность осенью 1922 г. Финансирование его осуществлялось как за счет государственного, так и за счет местного бюджетов. В 1925/26 уч. г. из госбюджета техникум получил 52 % средств, из городского бюджета — 40 %. Помощь государственных и общественных организаций составила остальные деньги (подсчитано по: [4. Л. 41]).

До 1925/26 уч. г. в составе названного педагогического учебного заведения имелось одно школьное отделение. Однако в указанном году на базе третьего курса школьного отделения в порядке специализации были созданы два новых отделения — дошкольное и политехпросвета. В 1925/26 уч. г. в техникуме обучалось 186 человек, в том числе на первом курсе школьного отделения — 35, на втором курсе школьного отделения — 32, на третьем курсе школьного отделения — 35, на дошкольном отделении — 21 человек. Выпускной, четвертый курс состоял из одного школьного отделения, на котором обучался 31 человек [4. Л. 2].

Здание педтехникума вначале располагалось на ул. Механиков, 6, а в 1924 г. техникум переезжает в бывшее здание Первой екатеринбургской женской гимназии (Карла Либкнехта, 9). В 1924 г. описываемое учебное заведение было переименовано в Уральский областной объединенный политехникум, который до 1926 г. состоял из двух техникумов — Свердловского педагогического русского и Свердловского татаро-башкирского. С 1926 г. существует только Свердловский педтехникум. К концу 1920-х гг. здесь работало физкультурное и библиотечное отделения, а общее количество учащихся составляло до 800 человек [24].

Для прохождения обучения в педтехникуме требовался определенный уровень общеобразовательной подготовки. В 1924 г. в Свердловском русском педтехникуме из 105 человек выпускниками школ II ступени были 42 обучавшихся, 45 закончили школу-семилетку, двое прошли обучение на рабочем факультете [1. Л. 32]. В 1925 г. из 105 учащихся школу II ступени закончило 65 учеников, а школу-семилетку — 35. У остальных было незаконченное среднее образование [1. Л. 32]. На татаро-башкирском отделении среди зачисленных в 1925/26 уч. г. шестнадцати человек половина имела образование в объеме школ повышенного типа (семилеток и школ II ступени) [2. Л. 13].

Основной контингент обучавшихся составляли женщины: в 1925/26 уч. г. на русском отделении их было 73 %, на

татаро-башкирском — 83 %. Учились, как правило, молодые девушки и юноши от 15 до 25 лет. В 1925 г. из 60 зачисленных в Свердловский педтехникум 41 человек был в возрасте 15—18 лет, а старше (18—25 лет) было только 19 человек [3. Л. 39].

Обучение в данном среднем учебном заведении было бесплатным. Более того, большинство учащихся получало стипендию из средств государственного и местного бюджетов. В 1925/26 уч. г. году в Свердловском русском педтехникуме из 186 учащихся 138 получали стипендии: 67 стипендий финансировались местным бюджетом по 10 руб., и 71 стипендия — госбюджетом по 8 руб. в месяц. Если учесть, что, по сведениям профсоюза работников просвещения, в 1924 г. заработная плата школьных работников, находившихся на содержании окружных местных бюджетов, составляла в среднем 20 руб. 8 коп., а в сельскохозяйственных округах Уральской области — 14—17 руб. [5. Л. 193, 214], следует отметить, что стипендия была серьезным подспорьем для учившихся в педагогическом учебном заведении.

Учащиеся объединенного техникума могли бесплатно пользоваться библиотекой, общее количество книг в которой в 1925 г. составляло 11 871 том, из них книг по педагогике — 3060. Посещаемость читального зала в этом году в среднем составляла 30 человек в день [4. Л. 22].

Из обучавшихся в 1925/26 уч. г. 100 человек проживало в общежитии. Правда, материалы обследования техникума,

проведенного в этот период, свидетельствуют о крайней неустроенности быта учащихся, проявлявшейся в переполненности комнат, отсутствии достаточного количества инвентаря, неудовлетворительном питании [Там же. Л. 3]. Следует отметить такую особенность государственной политики в сфере образования в изучаемый период, как проведение «классовой линии» при приеме в учебные заведения, в том числе в техникумы. Прием проводился в соответствии с разнарядками, спускаемыми партийно-советскими чиновниками. Так, в соответствии с правилами приема в Свердловский педтехникум, набор учащихся на первый курс осуществлялся по рекомендации областных и окружных комитетов РКП(б) и РЛКСМ, областного и окружных Советов профессиональных союзов, областного и окружного отделов народного образования. При этом чиновники руководствовались классовым принципом: на учебу посылали в первую очередь детей рабочих и крестьян, затрудняя поступление выходцам из других социальных слоев. Приоритет отдавался детям трудового крестьянства. За каждым округом Уральской области в соответствии с квотой было четко закреплено определенное количество мест для абитуриентов [З. Л. 20]. При поступлении в техникум сдавались вступительные экзамены по математике, русскому языку, обществознанию и естествознанию.

Поскольку количество присылаемых из округов по разнарядкам кандидатов для обучения в два раза превышало коли-

чество мест в техникуме, проводился своего рода «конкурсный отбор». При этом в значительном числе случаев дети из крестьянских семей не выдерживали конкурсных испытаний, что приводило к невыполнению планов социального отбора. Так, партийно-советские органы в 1925 г. требовали предоставить детям крестьян 60 % мест в техникуме, однако в реальности из 60 человек, составивших новый набор в Свердловский педтехникум, лишь 12 были выходцами из крестьянских семей, 23 происходили из служащих, 22 — из рабочих и ремесленников, двое были детьми священников, один происходил из семьи торговцев [3. Л. 39]. Во избежание обвинений в политической беспринципности при проведении приема руководство Свердловского педтехникума потребовало от успешно сдавших экзамены детей служителей культа в качестве условия зачисления предоставить справку о том, что ими порваны всякие отношения с родителями [Там же].

Педагоги Свердловского педтехникума отличались высокой квалификацией. В 1925/26 уч. г. в Свердловском русском педтехникуме трудилось 28 преподавателей (они же преподавали на татаро-башкирском отделении). Среди них высшее и незаконченное высшее образование было у двадцати человек, среднее — у семи, домашнее — у одного [4. Л. 2]. Большинство имело дореволюционный стаж и получило образование в университетах страны. Преподаватель физики Л. А. Завьялов закончил Дерптский университет, преподаватель русского

языка и литературы Т. И. Козлова — Казанский университет, преподаватель истории А. А. Ладгин прошел обучение в Петербургском университете и т. д. [Там же. Л. 26] Девятнадцать преподавателей работало в техникуме по совместительству, главным образом совмещая свою работу с преподаванием в Уральском политехническом институте (УПИ) [Там же. Л. 2]. При средней недельной нагрузке в 36 часов преподаватель в середине 1920-х гг. получал относительно приличное вознаграждение за свой труд, в среднем педагогам выплачивалось из госбюджета 50—60 руб. в месяц [Там же. Л. 22]. Это была значительная сумма по сравнению с зарплатой учителей общеобразовательных школ. Оплата труда преподавателей техникума была выше, чем зарплата промышленных рабочих Урала, составлявшая в первом полугодии 1924 г. от 28 до 33 руб. [19]. Директором Свердловского педтехникума с момента открытия до второй половины 1920-х гг. был Дмитрий Александрович Киселёв, которого можно назвать типичным «выдвиженцем» советского периода. Имея среднее образование и окончив учительскую семинарию, Киселёв, будучи до революции преподавателем торгового училища в Екатеринбурге, в 1917 г. перешел на сторону большевиков и, являясь членом большевистской партии, занимал в годы Гражданской войны пост комиссара по народному просвещению в Екатеринбургском Совете рабочих и солдатских депутатов. Заведующий учебной частью техникума в середине 1920-х гг. Д. В. Засухин

был выпускником учительского института, с 1904 г. работавшим учителем в школе [4. Л. 26]. В 1925/26 уч. г. партийная ячейка техникума состояла из трех преподавателей и трех обучающихся [Там же. Л. 2], однако мнение коммунистов было решающим при рассмотрении наиболее важных вопросов.

Большие изменения в 1920-е гг. произошли в содержании работы учебных заведений, в том числе педагогических. Отказ от преподавания Закона Божия органы советской власти дополняли усилением политической направленности обучения. Особая роль в политическом воспитании в техникуме отводилась обществознанию. Образование призвано было сформировать у учащихся революционное мировоззрение и материалистическое понимание законов общественного развития. Переосмысление исторического прошлого происходило с точки зрения классового подхода, отодвинувшего на второй план общечеловеческие ценности, делался упор на интернационализм и воинствующий атеизм; национальное самосознание и патриотизм рассматривались как атрибуты прошлого, не соответствующие революционной идеологии.

В первые годы существования Екатеринбургского педтехникума программы по обществоведению и общеобразовательным дисциплинам составлялись педагогическим коллективом этого учебного заведения применительно к программам второго концентрa общеобразовательных школ II ступени [Там же]. Ситуация изменилась в 1923 г., когда были опубликованы

программы Государственного ученого совета (ГУСа). С одной стороны, в их основу был положен принцип связи школы с жизнью, они требовали ориентации на современность, перво-степенное внимание уделялось вопросам общественных отношений, с другой — они отрицали предметный принцип изложения учебного материала, заменяя его комплексным (материал располагался по комплексным темам — «Природа», «Труд», «Общество»). Преподавание должно было строиться не исходя из формы, а идти от содержания, притом предметы подлежали частичному или полному упразднению.

Начиная с середины 1920-х гг. в Свердловском педтехникуме в основу учебных планов по главным дисциплинам был положен учебный план Государственного ученого совета. В 1925/26 уч. г. здесь из 254 годовых учебных часов 60 часов было выделено на предметный цикл по изучению общества (23,6 %), 80 — на цикл по изучению природы (31,5 %) 114 часов отводилось изучению трудовой деятельности (44,9 %) [Там же. Л. 20].

Цикл по изучению общества включал следующие дисциплины: обществоведение, политэкономия, история РКП(б), экономическая география Урала и СССР, родной язык и литература, обследование района. Цикл наук по изучению природы состоял из таких дисциплин, как сельскохозяйственное естествознание, биология и теория эволюции, математика, рефлексология, химия в связи с минералогией, физика на ин-

дустриальном материале, педология. Цикл наук по изучению трудовой деятельности требовал освоения теории воспитания и обучения, методики работы в школах I ступени, в дошкольных учреждениях и учреждениях политпросвещения (в зависимости от отделения техникума); в рамках этого цикла преподавались пение, рисование, ручной труд, проходили занятия физкультурой. Кроме того, предусматривалось прохождение педагогической практики в школах, дошкольных заведениях и учреждениях политпросвещения [Там же]. С 1925/26 уч. г. в Свердловском педтехникуме было введено факультативное изучение немецкого языка [3. Л. 14].

В середине 1920-х гг. в техникуме в основу работы учащихся положили лабораторную систему, суть которой состояла в следующем: обучающиеся были разбиты на звенья (примерно по 6 человек), по заданиям преподавателей самостоятельно изучавшие рекомендованную литературу. После этого под руководством педагогов проходили заключительные конференции, на которых подводились итоги, выставлялись отметки [4. Л. 4].

В целях специализации подготовки учителей в середине 1920-х гг. педагогические учебные заведения были разделены на индустриально-педагогические и аграрно-педагогические. В Уральской области индустриальный уклон появился у Нижнетагильского, Пермского и Златоустовского техникумов, остальные, а также педагогический факультет Пермского уни-

верситета, стали аграрными. Лишь Свердловский педтехникум готовил кадры по тому и другому направлению. Опыт работы Свердловского педтехникума по данным уклонам был представлен на II Уральской областной конференции по педагогическому образованию (1925 г.) как передовой [16. С. 111]. Однако подобная специализация педагогических техникумов оказалась неоправданной, и в дальнейшем от нее пришлось отказаться [26. С. 71].

В конце 1920-х гг. на страницах периодической печати, в выступлениях на педагогических совещаниях, в том числе в Свердловске, неоднократно звучала критика в адрес комплексного построения программ и бригадно-лабораторных методов обучения. Так, на II Уральском областном съезде по народному образованию в январе 1928 г. в выступлениях учителей четко прослеживается общая позиция большинства: «...программы ГУСа — вещь прекрасная, но абсолютно не вяжется с логикой учебных дисциплин» [8. С.14].

В том же году на VI съезде заведующих отделами народного образования в Москве заведующий Уральским отделом народного образования (Уралом) И. А. Перель привел факт, характеризующий отношение уральских учителей к комплексным программам: «В Свердловске, — говорил он, — распространился слух, что Московский ОНО отменил комплекс, что там ограничиваются только формальными навыками. Этому обрадовались. На одном собрании одна учительница

заявила: „Теперь можно будет свободно вздохнуть“» [10. С. 39].

Педагогические техникумы, в том числе Свердловский, играли главную роль в профессиональной педагогической подготовке учителей на Урале в 1920-е гг. Однако школьных работников со специальным педагогическим образованием в регионе было недостаточно, и выпускники техникумов в полной мере не возмещали даже естественную убыль учителей. В 1925/26 уч. г. 14 педагогических техникумов Уральской области закончило 382 выпускника, однако естественная убыль учителей школ I ступени на Урале в этом году составила 440 человек [4. Л. 17]. Даже в Свердловске среди 133-х учителей начальных школ в 1926/27 уч. г. высшее и неоконченное высшее образование было только у пятерых, а среднее специальное педагогическое — у 15 человек [6. Л. 261.]. В то же время модернизационные процессы, происходившие в стране, в том числе и на Урале, требовали ускорения темпов культурных преобразований, остановки роста неграмотности населения. Это заставляло большевистское руководство возвращаться к планам введения обязательного начального всеобщего. Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети» строго предписывалось к 1933/34 уч. г. ввести на всей территории республики обязательный всеобщий в объеме начальной школы. При этом подчеркивалось, что в первую

очередь всеобщее обучение должно проводиться в тех областях, где имеются для этого необходимые условия (бюджет, школьная сеть, учительские кадры) и что общедоступность начальной школы при добровольном посещении ее должна быть обеспечена к десятилетию Октябрьской революции, а в последующие годы следует ввести всеобщее начальное обучение [9. С. 105].

Постановка задачи перехода к начальному всеобучу потребовала искать новые каналы подготовки педагогических кадров. Во второй половине 1920-х гг. учительские кадры стали готовить школы II ступени с педагогическим уклоном. В Свердловске в 1926/27 уч. г. было три школы II ступени, а в последующие годы (вплоть до ликвидации в 1930 г.) — две: школа имени Некрасова, располагавшаяся на улице Добролюбова, 19, и школа имени Тургенева, находившаяся на ул. Тургенева, 4.

Свердловские школы II ступени финансировались за счет средств, выделяемых из бюджета горсовета. В них училось около полутора тысяч человек [6. Л. 219].

Школы II ступени так же, как и другие школы повышенного типа 1920-х гг. — семилетки и девятилетки, — готовили выпускников для поступления в вузы и техникумы, а также для работы в соответствии со специализацией («уклоном»). Например, в 1928/29 уч. г. из 243 выпускников, оканчивающих свердловские школы II ступени и школы-девятилетки, наме-

ревались поступать в вуз 106 человек, в техникумы — 31, работать в соответствии со специальностью по уклону — 79 [Там же. Л. 220].

Обучение в школах II ступени было бесплатным. Более того, для тридцати человек, показавших наибольшие успехи в обучении, местным бюджетом в 1928/29 уч. г. ежемесячно выделялись средства для выплаты стипендии на общую сумму 100 руб. Нуждающимся ученикам в конце 1920-х гг. предоставлялась возможность проживания в общежитии, вмещавшем 60 человек [Там же]. Советские власти не регулировали социальный состав учащихся школ повышенного типа, как в техникумах. Поэтому во второй половине 1920-х гг. в Свердловске более 70 % учеников школ II ступени составляли дети служащих (подсчитано по: [6. Л. 224]).

Вторая ступень данных школ включала 5—9-е классы, и именно на второй ступени (в 8—9-х классах, составлявших так называемый третий концентр) осуществлялась специализация в обучении. В 1928/29 уч. г. в школе II ступени имени Некрасова города Свердловска проводился педагогический уклон, т. е. выпускники подготавливались как учителя начальных классов. Учебный план школ II ступени с педагогической специализацией в 8—9-х классах предусматривал проведение 14 специальных курсов общим объемом 940 часов (в них входили часы, выделенные на самостоятельную работу учащихся и проведение педпрактики). Наибольшее внимание

уделялось организации и методике школьной работы, при этом методика изучалась в соответствии с комплексным подходом, изложенным в программах ГУСа [3. Л. 1].

Вторым по значению был блок спецкурсов, связанных с охраной здоровья, гигиеной, физическим воспитанием школьников. Как специальные предметы в 9 классе изучались психология и педология. Характерным для периода первых десятилетий советской власти было введение в учебный план будущих учителей изучение методики работы со взрослыми, методов деятельности по вовлечению родителей в работу школы, а также методики работы по ликвидации неграмотности взрослых и подростков. Учебный план включал также изучение системы народного образования в СССР и основных принципов советской трудовой школы, теории и практики детского и юношеского коммунистического движения. 130 часов отводилось на прохождение учащимися педагогической практики в начальных школах [Там же].

При разговоре о деятельности школ повышенного типа в Свердловске в 1920-е гг., в том числе школ II ступени, хотелось бы отметить высокий уровень квалификации преподавателей этих учебных заведений. В 1928/29 уч. г. в свердловских школах повышенного типа из 157 преподавателей у 107 имелось высшее и незаконченное высшее образование, у 32 — среднее специальное педагогическое. При этом 58 учителей (более 30 %) имели дореволюционный педагогический стаж

[6. Л. 261]. В конце 1920-х гг. Свердловская школа II ступени имени Некрасова ежегодно выпускала из 9-х классов около восьми десятков будущих педагогов. Если учесть, что, например, в 1927 г. школы II ступени с педагогическим уклоном во всей Уральской области выпустили 522 человека [9. С. 68], то вклад Свердловска в подготовку учительских кадров данного уровня следует признать ощутимым.

Руководство педагогических учебных заведений стремилось привлечь своих преподавателей и учащихся к политико-просветительной работе среди широких слоев населения города. В первой половине 1920-х гг. особое значение имела культурная помощь, оказываемая красноармейцам учащимися и преподавателями техникумов и школ II ступени. В частях Красной армии, базировавшихся в Екатеринбурге и его окрестностях, учащиеся и педагоги занимались с неграмотными военнослужащими. Преподаватели техникумов, в том числе педагогического, и школ II ступени читали лекции для солдат и командиров по самым разнообразным проблемам науки и общественной жизни в стране и за рубежом [17. С. 88]. Широкую известность получили тематические вечера для красноармейцев, посвященные революционным политическим датам: Первому мая, годовщине Октябрьской революции, 20-летию революции 1905 года и др. [17. С. 88]. Во второй половине 1920-х гг. в культурной жизни активно участвовал драматический кружок Свердловского педагогического техникума, ко-

120

торый регулярно выступал перед жителями города. При этом кружковцы оказывали помощь партийно-советскому руководству в организации массовых общественно-политических и агитационных мероприятий [12. С. 35].

В 1928—29 гг. советские чиновники стали чаще привлекать преподавателей и учащихся техникумов и старших классов школ II ступени к общественно-политической работе среди населения Свердловска: к отчетно-перевыборным кампаниям горсовета, распространению займов индустриализации, проведению культурного месячника ликвидации неграмотности [7. Л. 59].

Таким образом, в 1920-е гг. в Екатеринбурге — Свердловске продолжали функционировать учебные заведения, осуществлявшие специальную подготовку учителей. Попытки советской власти создать в городе Уральскую высшую педагогическую школу (1918 г.) и педагогический институт в составе Уральского университета (1920—1922 гг.) оказались неудачными, и поэтому основным педагогическим учебным заведением в 1920-е гг. был педагогический техникум, имевший много общего с дореволюционным учительским институтом, однако и обладавший рядом особенностей, присущих советскому периоду: совместным обучением юношей и девушек, классовым подходом к набору учащихся, построением учебных планов на основе программ ГУСа, «комплексным» принцип изложения учебного материала, отказом от патриотиче-

ского воспитания. В то же время в педтехникуме продолжали сохраняться дореволюционные традиции организации педагогического образования: участие в финансировании учебного заведения как государственного, так и местного бюджета, повышенные требования к уровню общеобразовательной подготовки поступающих с обязательной сдачей вступительных экзаменов, наличие в учебных планах большого количества часов для предметов, знакомящих с проблемами педагогики и методики преподавания различных дисциплин, обязательное прохождение будущими учителями педагогической практики в общеобразовательных школах, материальная помощь со стороны государства и общественности учащимся из малообеспеченных слоев населения.

Во второй половине 1920-х гг. определенную роль в подготовке учителей сыграли старшие классы Свердловской школы имени Некрасова с педагогическим уклоном, имевшие много сходств по характеру деятельности с дополнительными педагогическими классами дореволюционных гимназий. Однако задача перехода ко всеобщему обязательному обучению к концу 1920-х гг. поставила перед большевистским руководством необходимость количественного и качественного расширения системы педагогического образования, в том числе на Урале. Одним из результатов этого стало открытие в 1930 г. Свердловского педагогического института.

Источники

1. ГАСО. — Ф. 82. — Оп. 1. — Д. 31.
2. ГАСО. — Ф. 86. — Оп. 1. — Д. 29.
3. ГАСО. — Ф. 86. — Оп. 1. — Д. 30.
4. ГАСО. — Ф. 86. — Оп. 1. — Д. 31.
5. ГАСО. — Ф. 233. — Оп. 1. — Д. 7.
6. ГАСО. — Ф. 1427. — Оп. 1. — Д. 10.
7. ГАСО. — Ф. 1427. — Оп. 1. — Д. 16.
8. Материалы II Уральского областного съезда по народному образованию. — Свердловск, 1928.
9. Народное образование в СССР. — М., 1974.
10. Народное образование. — 1928. — № 5.
11. Просвещение на Урале в диаграммах. — Свердловск, 1927.
12. Просвещение на Урале. — 1929. — № 1.
13. Просвещение на Урале. — 1929. № 2.
14. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. — № 39.
15. Советский Екатеринбург : справочник-путеводитель / сост. В. М. Быков. — Екатеринбург, 1922.
16. Уральский учитель. — 1925. — № 5.
17. Уральский учитель. — 1926. — № 5—6.
18. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). — Ф. 4. — Оп. 2. — Д. 316. — Л. 77—78.

Литература

19. Анашкин, Э. Н. Становление и развитие системы подготовки кадров преподавателей для педагогических вузов и средней школы на Урале (1920—1941 гг.) : дис. ...канд. ист. наук / Э. Н. Анишкин. — Челябинск, 2010.
20. Главацкий, М. Е. Рождение Уральского государственного университета / М. Е. Главацкий. — Екатеринбург, 1995.
21. Гришанов, П. В. Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926—1937 гг.) / П. В. Гришанов. — Челябинск, 1982.

22. Елисафенко, М. К. У истоков педагогического образования на Урале: 1971 — 1910 гг. / М. К. Елисафенко, Б. М. Игошев, М. В. Попов // Педагогическое образование в России. — 2011. — № 2.
23. Игошев, Б. М. Профессионально-педагогическое образование на Урале в 1912 — 1919 гг. / Б. М. Игошев, М. В. Суворов // Педагогическое образование в России. — 2011. — № 3.
24. Свердловский областной педагогический колледж. История [Электрон. ресурс]. — URL: <http://www.academiaopen.ru/history.htm>.
25. Суворов, М. В. Уральское учительство в 1920—1930-х гг. : дис. ... канд. ист. наук / М. В. Суворов. — Екатеринбург, 2006.
26. Чуфаров, В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции 1920—1937 гг. / В. Г. Чуфаров. — Свердловск, 1970.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как было показано, 1871—1930 гг. являются периодом становления педагогического образования в Екатеринбурге — Свердловске. Специальная подготовка учительских кадров осуществлялась уже в дополнительных, восьмых педагогических классах женских гимназий города. Для начальных народных училищ церковного ведомства преподавателей готовили учительские курсы при второклассных церковно-приходских школах. В 1920-е гг. много общего с этими педагогическими классами и курсами имела деятельность старших классов школ второй ступени с педагогическим уклоном.

С 1912 г. специалисты со средним специальным педагогическим образованием готовились в Екатеринбургском учительском институте, а в 1920-е гг. — в Свердловском педагогическом техникуме. Попытки создать в Екатеринбурге педагогическое учебное заведение, дающее высшее образование, предпринятые государством в 1918 и в 1920—1922 гг., оказались неудачными. Однако модернизационные процессы в обществе и связанная с ними необходимость перехода к всеобщему начальному и, в перспективе, среднему образованию требовали дальнейшего совершенствования системы педагогического образования, что было невозможно без открытия в Свердловске педагогического института. С началом его дея-

тельности в 1930 г. заканчивается период становления системы подготовки учительских кадров в столице Урала.

Конечно, и после 1930 г. подготовка преподавателей для общеобразовательных школ продолжала расширяться и совершенствоваться. Появились новые типы учебных заведений. Однако традиции отечественной педагогической школы, зародившиеся в Екатеринбурге 140 лет назад и прошедшие свое становление в 1871—1930 гг., в наиболее полной мере воплотились в жизнь в деятельности Свердловского государственного педагогического института (ныне это Уральский государственный педагогический университет), который становится главной кузницей учительских кадров для общеобразовательных школ Екатеринбурга (Свердловска) и в определенной степени Уральского региона.

Если в начале XX в. в двух педагогических восьмых классах Екатеринбургской гимназии обучалось ежегодно около пяти десятков молодых педагогов, то в 2011 г. в семи институтах, на 19 факультетах Уральского государственного педагогического университета обучается 16 тыс. студентов. Он занимает восьмое место среди 63 педагогических университетов страны как по количеству обучающихся, так и по числу сотрудников (Уральский государственный педагогический университет. 1930—2010 гг. — Екатеринбург, 2010. — С. 164.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бахтина Ирина Леонидовна — доцент кафедры теории и методики обучения истории УрГПУ, кандидат исторических наук.

Елисафенко Марина Константиновна — доцент кафедры Отечественной истории УрГПУ, кандидат исторических наук.

Ефремова Ульяна Павловна — аспирант кафедры Отечественной истории.

Игошев Борис Михайлович — ректор Уральского государственного педагогического университета, профессор, доктор педагогических наук.

Попов Михаил Валерьевич — заведующий кафедрой Отечественной истории, профессор, доктор исторических наук.

Суворов Максим Викторович — доцент кафедры Отечественной истории УрГПУ, кандидат исторических наук.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Интерьеры Екатеринбургской 1-й женской гимназии

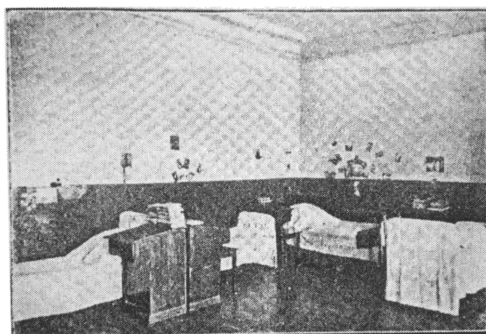
Заль общежитія.

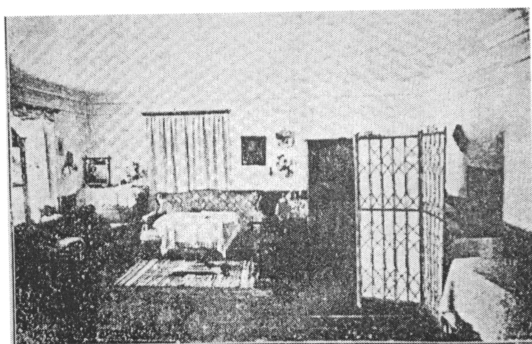
Столовая общежитія.

Дортуаръ общежитія.

Комната надзирательницы общежитія.

Группа ученицъ VIII-го класса съ Начальницей гимназiи, классной надзирательницей и преподающими въ VIII классъ.

Группа членов Попечительного и Педагогического Советов
1-й женской гимназии.

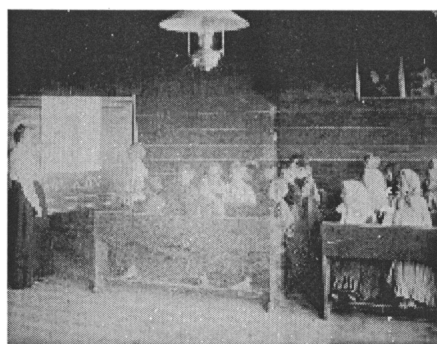
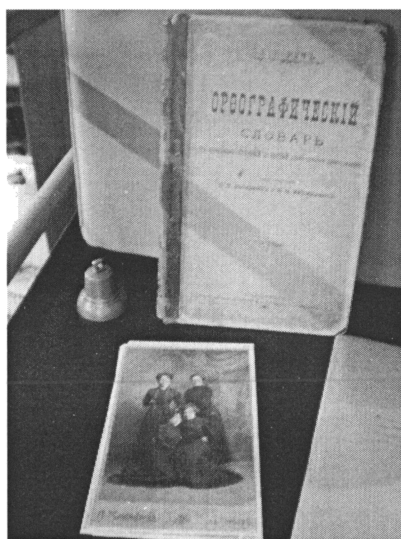
Здание Екатеринбургской 2-й женской гимназии

Картинки изъ классной жизни ученицъ 1-й женской гимназiи.

Урокъ в начальном народном училищѣ

Свердловский педагогический техникум

Преподаватели Свердловского
педагогического техникума

Авторы:

БАХТИНА Ирина Леонидовна

ЕЛИСАФЕНКО Марина Константиновна

ЕФРЕМОВА Ульяна Павловна

ИГОШЕВ Борис Михайлович

ПОПОВ Михаил Валерьевич

СУВОРОВ Максим Викторович

Коллективная монография

**Очерки истории педагогического образования
в Екатеринбурге (1871—1930)**

Составители:

Б. М. Игошев,

М. В. Попов,

М. В. Суворов,

М. К. Елисафенко

Отв. редакторы: Б. М. Игошев, М. В. Попов

Компьютерный набор: Д. А. Халилова

Подписано в печать 16.12.2011. Формат 60х84 1/16.

Бумага для множ. аппаратов. Гарнитура «Sylfaen».

Печать на ризографе.

Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 4,2. Тираж 500 экз. Заказ 3756.

**Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в отделе множительной
техники Уральского государственного педагогического университета**

620017 Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

